

Анна Веди

Клей

антиутопия

Анна Веди

Клей

«ИП Астапов»

2015

УДК 882
ББК 84 (2Рос-Рус) 6

Веди А.

Клей / А. Веди — «ИП Астапов», 2015

ISBN 978-5-905379-53-6

Кажется, что последний год 21 века может стать последним для человечества. Понятие «быть вместе» получило неожиданную интерпретацию – люди стали склеиваться друг с другом в буквальном смысле и гибнуть от психологического и физического напряжения. И эта жуткая мутация происходит на фоне глобальных климатических изменений. Учёные предположили, что причиной изменений в организме являются подавленные эмоции, и люди бросились за помощью к психологам. Группа людей оказалась втянута в эксперимент...

УДК 882
ББК 84 (2Рос-Рус) 6

ISBN 978-5-905379-53-6

© Веди А., 2015
© ИП Астапов, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	33
Глава 5	38
Глава 6	45
Глава 7	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Анна Веди Клей

© Анна Веди, 2015

* * *

Люди, как жуки, приклеенные клеем привычки.

Глава 1

Медленно приходит сознание к Карлосу. После вчерашнего дня он ощущает неприятный осадок, тревогу и смутное беспокойство. Он мучительно старается вспомнить, что было накануне, но количество выпитого виски напрочь вырезает из памяти всё, что происходило после второй бутылки. И это пугает больше всего. Он не хочет просыпаться и силится снова заснуть, но этот страх не даёт. Перемещается по животу гадкой слизкой пиявкой, тревожно пульсируя в судорогах. Яркой вспышкой озаряет его память увольнение с работы: как он демонстративно посылает всех менеджеров и руководящий состав, сбрасывает принадлежности со своего стола и гордо, не обернувшись, выходит из офиса. Это сон, или это было на самом деле? Он напрягает память. Кажется, было. Он вспоминает, как недоумённо смотрели на него его коллеги и главбух. Он же был всегда таким спокойным и уравновешенным, всегда улыбался, был приветлив и вежлив со всеми. Всегда приходил на помощь, был безотказным и даже милым.

Однажды он задержался на работе позже обычного, неожиданно к нему подошла главбух и завела разговор:

– Привет! Тебя как зовут? Ты же программист? Мне нужна твоя помощь, – выпалила она на одном дыхании властным тоном, не давая ответить.

– Да, пожалуйста, что случилось? – несколько растерянно отреагировал на этот шквал Карлос, вставая и направляясь за девушкой.

– У меня зависла программа, а мне отчёт надо срочно подготовить, – немного по-детски сказала главбух, засеменив к своему рабочему месту. Ножки у нее были хорошенькие, в туфлях на высоченных каблучках. Она оглянулась на молодого человека и улыбнулась своей самой обворожительной улыбкой. Она всегда пускала ее в ход, когда о чём-то просила или что-то хотела получить от других.

– Давайте, посмотрим, – вдыхая аромат парфюма и тепло, исходившие от главбуха, Карлос наклонился над панелью компьютерной бухгалтерской системы.

– Ты не ответил. Всё-таки, как тебя зовут? Давно ты здесь работаешь?

– Карлос. Не очень, около года, – не отрываясь от работы, ответил программист.

– И как, нравится?

– Ничего, терпимо, руководство лояльное, более или менее. А сама работа для меня лёгкая. Хотелось бы, конечно, чего-то более сложного и ответственного, но пока что ладно.

– Почему-то раньше я тебя не замечала, – она смотрела в упор на Карлоса, присев на стол, и её красивые коленки упирались ему почти в нос, когда он поворачивал голову в её сторону.

– Да, странно, что сейчас заметила, – выдавил он из себя и уставился в монитор системы управления в ожидании, когда та перезагрузится. Поначалу Карлос потерял дар речи от близости девушки и ее откровенного кокетства, но постепенно пришёл в себя и посмотрел на неё так же в упор. Она явно играла с ним, и это было столь же неожиданно, сколь и возбуждающе. – А ты давно работаешь?

– О, да! Около пяти лет. Я уже старушка.

– И как? Нравится?

– Уже привыкла. Сначала не нравилось, хотела уходить, но потом передумала и осталась. И вот, задержалась.

– Ну, вот и всё, готово! – сказал Карлос, поднимаясь со стула и намереваясь пойти на своё место. Когда он повернулся, их лица оказались на таком близком расстоянии друг от друга, а стук его сердца стал таким сильным, что Карлосу пришлось собрать всю свою волю в кулак и сдержаться, чтобы не поцеловать бухгалтера.

– Спасибо большое, – произнесла красотка. Остаток фразы как бы повис в воздухе возле ее губ в тот момент, когда их лица оказались совсем близко. Она так и оставалась с полуоткрытым ртом, когда Карлос проходил мимо неё. Долго. Как в замедленной съемке.

Она была привлекательной девушкой, но раньше Карлос не замечал её. Она не была идеалом его красоты, его мечтой, хотя очень походила на его мать. Невысокого роста, очень худая, светлые волосы, голубые глаза, небольшая грудь и стройные ноги. Совершенно обычная, не во вкусе Карлоса. Так, встретив на улице, прошёл бы мимо этой мышки. Он любил высоких брюнеток. Возможно, потому что сам был высоким брюнетом с карими глазами. Но после разговора с ней что-то преломилось в его сердце, и он стал думать о ней всё чаще и чаще и, кажется, влюбился. Может, и не влюбился, но хотел её постоянно. А она оставалась к нему холодна, хотя иногда дарила короткие тёплые взгляды и улыбку. Он стал смотреть в её сторону, ловил каждую возможность ее увидеть, придумывал разные причины, лишь бы пройти мимо или держать ее в поле зрения. Это было похоже на тихое помешательство.

Как-то раз Карлос увидел, что она разговаривает с директором, и заметил, что и директор к ней очень тепло расположен. Положил ей руку на спину, – совсем не похоже на рабочие отношения. Карлос стал страшно ревновать. Мысль, что главбух спит с директором, была невыносима, но не выходила из головы. И в итоге этой накрутки и бездействия ему стало нестерпимо находиться в этом пространстве. Подойти к ней и объясниться он тоже не мог в силу своей зажатости, неуверенности и закомплексованности.

Постепенно в нем созрела убежденность, что у неё связь с директором. И это оказалось ударом по его самолюбию, он был жестоко разочарован. Он ведь успел окружить себя иллюзией, по ночам долго не мог уснуть, фантазировал, мысленно представляя диалоги с ней. Но каждый раз обламывался, или что-то мешало. Возможно, именно это стало причиной его срыва. Возможно, просто накопилось и надоело. А могла сработать его привычка увольняться или провоцировать увольнение через год-полтора.

Вчера Карлос ушёл, не прощаясь. Считал, что красиво ушёл. Коллеги недоумённо смотрели на него, при этом старательно изображая бурную рабочую деятельность. Он же, возможно, хотел привлечь к себе внимание, чтобы именно бухгалтер сказала ему: «Останься, не уходи, ты нам нужен!» Какая глупость!

– Карлос, что ты делаешь? Сейчас такое непростое время, и куда ты пойдёшь? – спросил коллега, с которым он иногда в перерыв пил кофе.

– Ничего, разберусь как-нибудь, – ответил Карлос. Ему все они казались слабаками и неудачниками, которые только протирают штаны, работая на дядю, и безропотно влачат своё жалкое существование. – Сейчас такое время, что неизвестно, сколько осталось. И хочется пожить в удовольствии, для себя.

На выходе из офисного блока его просканировал лифт, куда он обычно заходил до и после рабочей смены. И если глазок-индикатор всегда загорался вспышкой зелёно-бирюзового цвета, то в последний раз это был красный. Зеркала лифта сделали круг, к предплечью мягко припечатался раскодировщик, прозвучала, видимо, прощальная мелодия, какой-то странный гимн, и из окошечка вылезла бумага с надписью: «Мистер Смит, Вы уволены. Желаем успеха». Это смахивало на издёвку. Карлос изобразил оскорбление, хотя внутренне ликовал. Но это был защитный рефлекс. Всё-таки увольнение – это потеря, неизвестность, новый этап, перемены. А перемены очень часто пугают, и лучше оставаться на насиженном месте, так надежнее. А теперь опять эта пугающая неопределённость и неизвестность. Но Карлоса это, кажется, возбуждало, поскольку он, то и дело, стремился оказаться в подобной ситуации. Выйдя из огромного здания корпорации, он сразу направился в магазин, – надо же отметить такое событие.

Толпы людей на улице мешали ему двигаться быстро, и он медленно влился в людской поток. Это столпотворение уже вошло в обыденную жизнь, стало привычным с тех пор, как

повышение концентрации углекислого газа в атмосфере и постоянные выбросы нефтепродуктов в океан спровоцировали климатические изменения: таяние ледников, повышение уровня мирового океана и, соответственно, затопление прибрежных городов. Изменения были внезапными и быстрыми, в раз охватившими всю планету. Тогда население Земли сразу сократилось на одну треть. Большинство людей, что успели спастись, сконцентрировалось в центральных регионах оставшихся континентов Евразии, Африки, Южной и Северной Америки и немного в Австралии. Города стали тесными в прямом смысле, на улицах и днём, и ночью было столпотворение, яблоку негде упасть. Те, кому не нашлось места в центре материка, старались найти приют в мегаполисах, расположенных не очень близко от побережий.

Петербург тоже постигла участь всех городов, принявших толпы беженцев. Людские реки медленно текли по тротуарам и дорогам, а над домами летали клаудузы, заменившие наземный транспорт. Они иногда приземлялись, образуя воронку, чтобы высадить или взять пассажиров, и тогда пешеходный поток вовсе останавливался, но сейчас Карлоса это меньше всего раздражало, он уже никуда не торопился. Он год отработал каким-то эникейщиком, несмотря на то, что он по образованию физик и считает себя талантливым программистом. И ведь ему обещали место именно программиста! А дальше названия должности дело не пошло, работать пришлось мальчишкой на побегушках. Почему никто не замечает его талант и одарённость? Что он делает не так, что в нём не так?

Снова и снова крутятся в голове эти обесценивающие мысли. Надо от них избавиться и купить что-нибудь выпить. Вот это верное средство! В магазине сканер тут же вычислил, что он теперь безработный. Раньше Карлос мог расплачиваться и легко брать в кредит, поднося руку к кассовому аппарату, – электронные деньги заносились кодом в то же предплечье, куда и поступил код увольнения. Теперь же пришлось доставать из кармана карточки или деньги. В момент увольнения ему стёрли и денежный код. Карлос взял две бутылки виски, – на всякий случай и чтобы завтра никуда не выходить и обдумать ситуацию, куда теперь двигаться, – и направился домой.

Он ещё помнит, как дома он пил этот виски, и как постепенно мутнел его разум, и ему становилось насрать на корпорацию, бухгалтера и всех окружающих, да и на весь мир, и как он, уже изрядно поддатый, вышел на улицу в направлении бара, чтобы скрасить одиночество в обществе какой-нибудь красотки. Пусть даже и не красотки, подойдёт любая, лишь бы не жирная, прыщавая, вонючая и грязная, хотя иногда он просыпался, и рядом были именно такие. Тогда он быстро трезвел и потом долго мучился чувством вины и отвращением к самому себе. В баре он ещё выпил, а потом провал, он больше не помнит ничего, абсолютно ничего...

Холодный пот опять прошиб всё тело. Он еле-еле открывает глаза и пытается повернуться, но что-то держит его руку. Он поворачивает голову и в удивлении невольно подскакивает на кровати. Хотя ничего, собственно, удивительного. Но именно сейчас всё воспринимается иначе, как будто что-то не так, и это тревожит.

Рядом с ним лежит девушка, стройная фигурка, упругое тело. Молоденькая, даже юная. Обнаженная, она лежит на спине, но её лица совсем не видно, оно повернуто в противоположную от него сторону, и яркокрасные волосы полностью скрывают его. И её рука прилеплена к его руке. Карлос внимательно изучает руку, но сейчас его волнует не это. Неужели с ним опять какая-нибудь?.. Ему надо, срочно надо увидеть её лицо! Он осторожно отодвигает волосы с её щеки... Лицо оказалось привлекательным, не красотка, но милашка. Фухх!.. Главное, не крокодиль рядом. Правда, слишком на малолетку смахивает. Нда... только этого не хватало... ну, да ладно, разберёмся. Теперь, что с рукой? Он пытается ещё раз поднять руку, тянет сильнее, и в этот момент девушка заворочалась и застонала, она потянула руку на себя, но сразу же бессильно опустила её на кровать. Она так и не проснулась.

Карлос смотрит на незнакомку, на её и на свою руку и ничего не понимает. Опять напоминает о себе головная боль и тревога в животе. Он пытается дотянуться до бутылки виски

свободной рукой. Никак. «И долго я буду ждать её пробуждения? Не королева, поди». И он с силой тянет руку. От этого движения возникает резкая боль, и девушка вздрагивает, вскрикивает от неожиданности и садится на кровати. Она удивлённо смотрит на Карлоса, на свою руку и пытается аккуратно освободиться, но и у неё ничего не выходит. По тому, что она старается не смотреть ему в глаза и вообще на него, держит голову опущенной, прячет лицо от его взгляда, видно, что она стесняется. Наконец, набравшись смелости, она произносит несколько детским голоском:

– Что ты делаешь? – возмущённо-капризно спрашивает она, наклонив голову и пристально разглядывая место, где склеились руки.

– Хочу встать, но не могу отлепиться от тебя.

Карлос видит, что перед ним женщина-ребёнок, и наконец-то успокаивается и расслабляется.

– А что это такое, не знаешь? – она пытается другой рукой отодвинуть кожу, но это лишь причиняет боль. Кожа намертво приклеилась. – Может, раствором каким-то полить? И как это вообще произошло? Я помню, когда мы засыпали, нормально всё было.

– О, ты помнишь, как мы засыпали? Я силюсь вспомнить, но, увы, не могу. Последнее, что помню, это как пришёл уже накачанный в бар, и там пил за стойкой вискарь. Я, извини, и тебя не помню. Стесняюсь спросить, как тебя зовут?

– Ну, ты даёшь! – возмутилась девушка и прикрыла обнажённое тело простыней. – А вчера казался лишь слегка выпившим. Я София, можно Соня. Мы познакомились в баре. Ты рассказал, что уволился с работы. А меня бросил парень очередной. Не бросил, а сказал: «Давай останемся друзьями». Меня эта фраза уже бесит. В последнее время мне все её говорят. И теперь я одинаково реагирую на неё.

– В этом нет ничего плохого, я думаю, – Карлос разглядывает девушку. Конечно, он ничего из того, что она говорит, не помнит. Но она это говорит очень естественно и так непринуждённо, что он готов ей верить. – Но что за фигня? Почему мы склеились? Слушай, у меня жутко болит голова, и я хочу в туалет, так что пошли. Отлепиться пока невозможно, позже решим, что будем с этим делать.

София подвигается на его сторону кровати. Карлос бросает взгляд на её округлую грудь и стройное тело, и отмечает её движения. Она начинает ему нравиться, но сейчас его мучают головная боль и тошнота, прежде всего, необходимо избавиться от них. Девушка легко встаёт с кровати, Карлос за ней, и так, вместе, они идут в туалет.

– Придётся тебе поприсутствовать здесь. Хорошо, что я пока что какать не хочу, – улыбаясь одной стороной рта, говорит Карлос.

– И тебе придётся быть рядом со мной. Это обоюдное наказание, – смеётся Соня, и её смех заметно снимает напряжённость и взаимное недоверие.

– А за что, интересно? Хотя, есть за что. Я уже столько накосячил в своей жизни, – испытывая большое облегчение, Карлос вздохнул.

Карлосу не до смеха. Хотя это – его привычка быть всегда недовольным. Сделав все дела, они кое-как чистят зубы и умываются. Ещё невольно пытаясь совершить самостоятельные движения и постоянно натываясь на сопротивление склеенных частей тела, испытывая боль, Карлос и София идут обратно в комнату. Здесь царит беспорядок. Карлос только сейчас замечает это, виновато смотрит на реакцию девушки и пытается оправдаться.

– У меня такой бардак! Жилище холостяка. Но я иногда убираю.

– Видимо, все мужчины такие. Да и мне тоже редко приходится уборкой заниматься. Я не очень-то люблю кристальную чистоту. Вижу, что пыль собралась, какое-то время живу с ней, а потом вытираю.

Соня улыбается поддерживающе. Молодой человек ей нравится. Он кажется ей простым, естественным, привлекательным и одиноким, замкнутым в своём мире. Он такой же, как она.

Парень, с которым она встречалась до этого, оказался психом. Вечно хотел покончить жизнь самоубийством, всё плакал и жаловался. Обычно она всегда расставалась с парнями через год. И это уже начало её тревожить. Вдруг так всю жизнь придётся, думает она. Не хочется, конечно же. Ей сейчас 25 лет. Карлосу, на её взгляд, тоже примерно столько же. Да, он ей, однозначно, нравится. Но насколько ему нравится она, не понимает. Соня чувствует себя очень неуверенно. Недавно она выкрасила волосы в яркокрасный цвет, воспользовавшись шапочкой-краской. Очень удобная штука. Выбираешь шапочку-краску по цвету, надеваешь её так, чтобы все волосы были спрятаны в шапочке, и через 5 минут, вуаля – цвет волос, такой, какой хотел.

Она была среднего телосложения и роста, небольшая грудь, красивые ноги. Лицо привлекательное, голубые глаза, маленький носик, средние губы, не пухлые и не тонкие. Всё так средне: ничего ужасного и ничего выдающегося. Короткая стрижка придает ей юный вид, хотя София уже давно совершеннолетняя. В глазах её читается желание помогать и сострадать. Она кажется очень доброй девушкой и очень милой. И можно было бы сказать, что она красивая, но так как сама Соня не воспринимает себя таковой, этого не чувствуют и другие люди. Внешне – да, всё прекрасно, но внутри она зажата, неуверенна, закомплексована. И в этом они очень похожи с Карлосом. Хотя для Софии он кажется очень уверенным, смелым, красивым. И для Карлоса девушка кажется уверенной в себе и довольно симпатичной. Такие они внешне. Это их маски, предьявляемые окружающему миру, чтобы скрыть неуверенную, пугливую, внутреннюю сущность. И они сжились, практически срослись со своими ролями. Может быть, иногда и только наедине с собой они и сбрасывали маску уверенности. Хотя Карлос не любил такие моменты и заливал виски. А Соня, спасаясь от одиночества, вступала в отношения. Лишь бы кто-то был рядом, чтобы не чувствовать себя ущербной и не осознавать свою сущность. Каждый из них прятался от правды, как мог.

– Выпить хочешь? – предложил Карлос.

– С утра? Я не пью с утра, – помотала головой Соня.

– Как хочешь, – пожал плечами Карлос, уже наливая себе виски. Он взболтнул жидкость в бутылке, рассматривая ее на свет и оценивая, сколько осталось. – Днём закажу ещё. Я намереваюсь сегодня пить весь день.

– Нет, нет, нет! – возмутилась София. – Я ж собиралась сегодня сходить к родителям! Мы сейчас склеены, и мне кажется, что теперь нам надо советоваться о планах друг друга. А если ты напьёшься, мы не сможем никуда пойти.

– Во-первых, я не хочу идти с тобой, и не пойду к твоим родителям. А во-вторых, ты что думаешь, мы так и будем склеены? Сейчас меня вставит вискарь, и я разберусь с этой ерундой. На больную голову, что можно решить? – и он наливает себе ещё стопку. – Точно, не хочешь?

София смотрит на Карлоса, у неё внутренняя борьба мыслей и чувств. С одной стороны её мучает чувство беспокойства и непонятной тревоги, и очень хочется избавиться от этого, а алкоголь как раз даёт расслабляющий эффект. С другой стороны, есть не только сомнение, что это поможет, но уже знание, что алкоголь лишь на время отвлечёт от мыслей и чувств, а потом всё вернёт обратно, и даже может стать ещё хуже. И потом, обещала родителям прийти, и этого парня она мало знает, и это непонятное склеивание... Мысли проносятся, мельтешат, сменяя друг друга, и этот мысленный хаос изрядно напрягает.

– Ладно, давай, наливай, – София понимает безнадёжность своего сопротивления и решает уступить Карлосу, боясь, что она разонравится ему, и отношения закончатся, не успев начаться.

Карлос наливает виски Соне и смотрит на неё. «Симпатичная девушка, и что она делает со мной рядом?» Он так же боится сказать лишнее и вспугнуть её. София берёт рюмку в одну руку, в другую засохший кусочек сыра. Понюхав его, потом виски, передёргивается.

– Фу, гадость. Первая рюмка всегда мерзко заходит. А потом нормально, – заметив взгляд Карлоса и оправдываясь, смущённо говорит София.

– Да, ладно, ерунда всё это, – улыбается Карлос.

София смотрит на рюмку, не решаясь и настраиваясь. Потом подносит её ко рту и отпивает небольшой глоток. Морщит нос, быстро берёт стакан со вчерашним соком и запивает, а потом откусывает сыр. Карлос усмехается и залпом выпивает всю рюмку, занюхивает кусочком сыра и выдыхает, всем своим видом демонстрируя своё умение пить. Соня восхищённо смотрит на него. Так она не могла пить никогда, только маленькими глотками.

– Ты пьёшь, как кошечка, – громко поставив свою рюмку на стол и шумно выдохнув, говорит Карлос.

– Да, вот так, что ж теперь, – несколько смущаясь, отвечает София и кокетливо поднимает глаза на Карлоса. Алкоголь начинает своё действие, и ощущение эйфории и прекрасного мира уже накрывают сознание девушки. И постепенно её чувства и мысли становятся жизне-радостными, позитивными. Она уже довольна жизнью и собой, ощущает себя желанной, красивой, умной, уверенной.

Карлос смотрит на Софию, и она выдерживает этот взгляд около минуты. Карлос также чувствует себя более уверенным, умным, и ему снова стало на всё насрать, и это ощущение ему очень нравится. Он не старается быть привлекательным для кого-то, следовать чьим-то ожиданиям. Он такой, какой есть. Правда, это ощущение он испытывает лишь под действием алкоголя, только в таком состоянии он чувствует себя достойной и нужной личностью. Как будто два разных мира. «Ты родился и априори нужен миру», – как-то он услышал эти слова от своей взрослой подруги, с которой иногда встречался. Когда она звонила, он не мог ей отказать. Она была старше его на пятнадцать лет, но чертовски привлекательна, сексуальна и умна. И в ней было такое притягательное чувство уверенности и защищённости, что от неё было сложно отрываться. Но она всегда умела очень тактично завершать их свидания и фактически выставлять его за дверь. Каждый раз Карлос думал, что всё, это был последний его визит, но всегда вёлся на её звонки и даже ждал их. Он думал, что когда встретит девушку и влюбится, то забудет её. Но никак не встречалась та, с которой бы отношения сложились надолго и серьёзно. Как бы то ни было, всё это уже в прошлом, а сейчас...

– Ладно, теперь давай разберёмся, что же произошло, и почему мы склеились. Давай вспомним вчерашний вечер. Ты помнишь? Я почти ничего не помню. Возможно, буду что-то припоминать, пока ты будешь рассказывать, – уже бодрым и более уверенным голосом говорит Карлос.

– С чего начинать? – горячий виски проходит по горлу Сони и попадает в желудок, в кровь, она уже ощущает его эйфоричное действие, легкость в теле и мыслях, а проблемы и всё неприятное куда-то испарились.

– Давай с бара. Как мы с тобой познакомились? Помнишь?

– Да. Ты сидел за столиком в углу и пил свой виски один. Я уже тоже была изрядно накачана. Я говорила, что поругалась со своим другом, и он ушёл, а я осталась одна и увидела тебя. Всё. Подошла к тебе, мы стали разговаривать, хотя ты уже еле ворочал языком. Но мне было всё равно.

– Слушай, теперь припоминаю, да, – Карлос с Софией сейчас сидят рядом в креслах, они еще раздеты, лишь в нижнем белье. – А ты не хочешь одеться? И как мы сейчас будем это делать? Кстати, видимо, склеились мы ночью, когда разделись.

– Да, точно, так и было. В баре мы с тобой посидели около часа, и ты предложил пойти к тебе. И я согласилась, хотя обычно так не поступаю. Но вчера я поругалась с парнем, как уже говорила, и мне было всё равно.

– Может, вы ещё помиритесь.

– Нет, вряд ли. Это копилось уже долго. Мы встречались около года, и уже полгода одни ссоры и конфликты. Нет любви, которая вспыхнула сначала.

– Знаешь, Соня, и у меня так же всегда происходит. Через год отношения рушатся, и я расстаюсь.

– А кто кого бросает?

– По-разному. То я бросаю, то меня. Я думаю, что здесь всегда виноваты оба человека. Кто-то провоцирует, другой ведётся на провокацию. Отношения – всегда обоюдный процесс.

– Да уж. Вот, мы пришли к тебе домой. Ты попытался меня обнимать. Но так как был уже очень пьян, и я тоже, то все наши попытки не увенчались успехом, и мы уснули.

– Вот этот момент я не помню совсем. Как мы пришли домой, не помню.

– Ты пей больше.

– Шутишь?

– Да, это прикол такой.

– Ясно. Так что будем делать с приклеенными руками? У тебя есть какие-то дела сегодня?

– Да, я же говорила, что хотела к родителям сходить. А завтра на учёбу надо идти.

– Мне проще, у меня пока что никаких дел. Ну-ка, давай попробуем отлепиться, – и Карлос осторожно, помня боль, потянул руку. Но ничего не вышло, она намертво приклеилась к коже Сони.

– Ой, больно! – пискнула Соня. – Что же делать? А давай посмотрим в интернете?

– Точно, хорошая идея. Сейчас, только выпью ещё. Ты будешь?

– Давай. Главное, не напиться, как вчера.

– А что такого? Что произойдёт, если так напьёмся? Мне лично всё равно, насрать, – Карлос уверенной рукой берёт бутылку с виски и разливает его по стопкам.

– Алкоголик, – игриво говорит Соня. – Часто ты пьёшь?

– Да нет. По выходным и так изредка. Я не алкоголик, – оскорбившись, защищается Карлос.

– Да ладно, я ж любя. Хотя, возможно, у нас начальная стадия алкоголизма. Алкоголь имеет накопительный эффект и с годами накапливается в крови. Так что для нашего возраста это пока что более или менее нормально, но через 10–20 лет это может быть очень плохо, – Соня сначала маленьким глотком, а потом, копируя действия Карлоса, залпом выпивает стопку и закусывает заслезившимся кусочком сыра, оставшегося на столе со вчерашнего дня.

– Надо бы ещё нарезать сыр, – говорит Карлос и, забыв, что они склеены, резко встаёт. Это тут же отзывается болью у него в руке, и Соня вскрикивает от неожиданного рывка и боли.

– Ты хоть предупреждай.

– Ой, я забыл совсем. Пошли, ходим за свежим сыром к холодильнику, – Карлос оглядывается на Соню и помогает ей встать. Они вместе идут на кухню.

– Что же, а это забавно, даже очень. Вон, сколько людей мечтает не расставаться с любимыми, или родители никак не хотят отпустить детей.

– О, мне только сейчас пришла в голову мысль, – Карлос останавливается и замирает. – А вдруг это ты всё подстроила? Я тебя не знаю, не помню отчётливо. Ты приклеила меня к себе! Блин, вот я дурак, как раньше не догадался? Это же подстава! – Постепенно его голос переходит на крик. – Что тебе надо от меня?! – Карлос прижимает Соню к стене.

– Что на тебя нашло? – Соня удивляется внезапной вспышке гнева молодого человека и испуганно таращит глаза. – Я не знаю ничего. Может, это ты склеил нас. Я так же могу подумать.

– Да, нужна ты мне больно, – Карлос мгновенно остывает. Он быстро заводится и быстро отходит. – А вдруг это какой-то эксперимент, и мы его участники?

– Не знаю, – уже обиженно говорит Соня.

Глава 2

Молодой человек и девушка сидят на диване, отвернувшись друг от друга и максимально отодвинувшись, насколько это позволяют склеенные руки. Каждый что-то обдумывает для себя. Мысли проносятся в голове Софии: «А вдруг это выполнение моего желания? Я же хотела, чтобы со мной всегда был мужчина. Вот и получила. За что боролась, на то и напоролась. Но я же совсем его не знаю. А вдруг он извращенец какой-нибудь? Вообще-то, у него уже была возможность что-то со мной сделать. Если бы хотел, уже бы сделал. Может, это он склеил нас? А зачем ему это? Может, он больной. Пьёт, вон, сколько много. Я тоже люблю выпить, но я не алкоголик. А он, похоже, алкоголик. Как бы расклеиться? Хотя хорошо, он никуда от меня не денется. Мы будем вынуждены привыкать друг к другу. Но это же насилие, и как сложатся отношения через насилие, не знаю».

– А ты давно пьёшь? – осторожно спрашивает Соня, нарушая тишину и прерывая ход своих мыслей.

– Со вчерашнего дня.

– Я не про это. Вообще.

– Что, когда впервые попробовал? Давно. Но я пью редко, по выходным и то, не всегда.

– Ясно, ты с нетерпением ожидаешь наступления выходных, чтобы расслабиться?

– Да, а почему бы и нет?

– Это первые признаки алкоголизма.

– И что? Ты сейчас лечить меня будешь или читать лекции о вреде алкоголя?

– Нет, но я подумала, раз мы склеились и вынуждены быть вместе, не мешало бы узнать друг друга поближе, – тихо говорит Соня, боясь реакции Карлоса.

– Узнала? Давай теперь о себе расскажи. Какие у тебя предпочтения, зависимости, извращения.

– Да, никаких, вроде.

– О, прямо, белая пушистая овечка.

– Я тоже люблю выпить, но это бывает раз в месяц или в два. Но иногда я боюсь, что это переходит в зависимость, так как возникает желание выпить, чтобы снять напряжение и расслабиться, как будто нет других способов.

– Ну, так вот. Это же накапливается в организме. Сейчас раз в месяц или в два, а потом два раза в месяц, раз в неделю, каждый день. С этого все начинают. И у меня так раньше было. Так что ты такая же, как и я.

– Да, в этом мы похожи, – Соня смотрит на Карлоса.

– Что ещё есть? Давай, признавайся. Кстати, скажи, что это за запах? Все люди выделяют запахи. И от тебя пахнет: то ли потом, то ли кошачьей мочой. Конечно, извини, но я не мог тебе не сказать об этом.

– У родителей кот, я к ним прихожу иногда. А запах пота? Не знаю, я не чувствую. А что, сильно пахнет? – Соня густо краснеет от стыда.

– Ну, так, да, есть. Я говорю это не для того, чтобы обидеть, всё равно мы склеены уже. Просто резкий запах, неприятно. Может, это и есть причина, почему у тебя не складываются отношения с мужчинами?

– Я не знаю, – Соню это цепляет, она обижается и сидит с опущенной головой.

Карлос понимает, что сказал что-то не то, но оправдываться не собирается. Реально, запах режет нос, и находиться рядом мало приятного. Сначала он не замечал, но побыв рядом с этой девушкой почти сутки, не обращать внимание на вонь стало невозможно. Ещё он заметил, что у неё волосы как будто жирные, а ладони влажные от пота. Конечно, обо всем этом он не мог сказать ей сразу. Да это и незаметно сразу. Скорее всего, у нее физиологические про-

блемы, тут нужен врач. У всех свои недостатки. Он надеется, что она о них знает и расскажет. Но она, видимо, не знает или комплексует по их поводу.

– Может, сходим в душ. Не помешает и тебе, и мне, – находит он верное решение.

– Давай сходим, – немного помолчав, смущаясь и морщась, говорит девушка. – Правда, я не очень-то люблю мыться, может, ты сам это сделаешь?

– Идём-идём. Как это, не любишь мыться?

– Не знаю, с детства не люблю. А волосы мыть, тем более, не люблю. У меня болячки на голове, и они болят, когда мою голову.

– Что за болячки? – с трудом скрывая отвращение, спрашивает Карлос.

– Ну, не болячки, а что-то вроде экземы. У меня жирная кожа, и экзема постоянная на голове. И болит, когда мою голову.

– Понятно. Нет, всё равно идем. Ты уже воняешь. Извини за откровенность. И сходить бы тебе к доктору.

Душ освежающим потоком накрывает пару молодых людей. Карлос, кажется, не замечает наготы Сони, а София, поначалу стеснявшаяся, постепенно привыкает. Вынужденные все время быть рядом, молодые люди находятся в постоянном возбуждении и сексуальном желании без разрядки. Они помогают друг другу мыться, ведь их движения ограничены из-за склеенных рук. Постепенно эта процедура переходит в любовные ласки и заканчивается совокуплением. На фоне общей толерантности и даже, порой, равнодушия к сексу, этот акт был почти исключением из норм социума. После очередной сексуальной революции в конце 20 века, и дальнейшей вседоступности и вседозволенности, наступила пора чуть ли не отрицания секса, как одного из удовольствий. В редких местах, отдалённых деревнях, ещё оставался этот биологически обусловленный акт, но осуществлялся он исключительно для продолжения рода.

– Меня мучает вопрос, когда мы расклеимся? А если так и придётся всю жизнь, что с этим делать?

– Может, не будем всю жизнь?

– Можно, конечно, пребывать в радужной светлой иллюзии, но в данный момент я реалист, и мне не нравится, что мы склеены.

– Давай подождём.

– Кого подождём?

– Не кого, а просто подождём. Когда выжидаешь, приходит то, что надо. Может, придёт решение нашей проблемы.

– Но надо же что-то делать в направлении её решения.

– Возможно, мы разговариваем, и это есть путь к решению. Кажется, ты никуда не торопишься. Тебя уволили. Вот мне надо было ехать к родителям сегодня, и я пока не знаю, как я это сделаю, – Соня вдруг падает вслед за Карлосом, который решил прилечь на диван после очередной рюмки виски.

Он смотрит в потолок. За окном пасмурный день, включена люстра. В Санкт-Петербурге всегда пасмурно. Вот в Марокко, откуда родом его дед, наоборот, всегда солнечно. Карлос почти не помнит, как это хорошо, когда светит солнце. Дедушка Карлоса приехал учиться в Россию в молодости, кончил университет и остался здесь жить. Благодаря темному цвету кожи, он всегда выделялся в толпе. Потом он познакомился со своей будущей женой. Она была русская. Они поженились, и у них родились друг за другом две дочери. Повзрослев, старшая из дочерей уехала учиться в Штаты и родила дочь. А младшая осталась в России, сошлась с русским, и у них родился Карлос. Пухлые губы, карие глаза, чёрные кудрявые волосы, высокий рост – это то, что Карлос унаследовал от деда по материнской линии. От отца он унаследовал светлую кожу, нос с горбинкой и, кажется, все вредные привычки, в том числе вспыльчивость. О своей двоюродной сестре Карлос мало что знал. Они виделись лишь несколько раз, когда он был маленький, и его мама общалась со своей сестрой по скайпу. Тогда он и познакомился со

своей сестрой. Поскольку обе дочери очень любили своего отца и гордились им, то фамилию Смит оставили своим детям. Позже, уже будучи взрослыми, Карлос с сестрой предпринимали пару попыток наладить общение, но у них ничего не вышло. Наверное, ни один из них не хотел прилагать усилия, а внешних факторов, которые бы способствовали отношениям, не было. По неизвестной Карлосу причине отношения между сёстрами со временем испортились, и они перестали общаться. Потом мать Карлоса заболела неизвестной болезнью и, протянув десять лет на таблетках и уколах, умерла. А с отцом у него никогда не было взаимопонимания. Почти всегда отец был недоволен всем и всеми, частенько выпивал, и Карлосу тогда казалось, что когда его детство закончится, сам он никогда не будет, никогда, как его отец... А потом отца кто-то зарезал ножом в сердце и перерезал солнечную артерию, чтобы наверняка. Кому понадобилась жизнь этого несчастного спившегося человека? С того времени прошло 10 лет, и теперь у Карлоса своя жизнь.

Потолок освещен неравномерно, и когда в открытое окно дует ветер, слегка покачивая люстру, пятна света и тени пляшут и смешиваются в такт ее колебаниям. На какое-то время Карлос застывает и смотрит на эти тени. Внезапно его озаряет мысль, он проводит рукой в воздухе, как дирижёрской палочкой, написав свой автограф, и в пространстве повисает экран интернет-сети. Он нажимает на кнопки и настраивает телевизор. Отодвигает экран, направляя руку ладонью от себя.

– Посмотрим, что в мире творится, – Карлос листает программы.

– Кстати, и я об этом подумала. Ещё надо посмотреть в интернете. Может, мы не единственные с такой проблемой.

Новости длинной лентой пляшут на экране, то вспыхивая, то потухая, освещая более важные.

«На Марсе завод ведёт добычу урана. За последний месяц на Землю доставлено более 90 тонн сырья».

«Эти дети не виноваты, что их оставили родители. Подарите им тепло, любовь и уют семейного очага!»

«В Испании по неизвестным причинам стая акул напала на группу сёрферов. В результате три человека погибли, восемь доставлено в реанимацию с тяжёлыми травмами...»

«Вода всё больше разливается и затопливает прибрежные зоны. После затопления Австралии и Африки ситуация стабилизировалась, но ученые отмечают продолжение повышения уровня океана. Давно говорили, что таяние ледников приведёт к катастрофе. Хотя мы и живём в Европе и удалены от воды, не стоит расслабляться и думать, что опасность нам не грозит, и нас это не коснётся. Люди мигрируют в центральные части. А это может вызвать перенаселение...»

– Какой ужас. Взбесившиеся акулы, давно не было такого. Сёрферы всегда около берега тусуются, это значит, акулы оборзели, – возмутился Карлос.

– А вот про детей, тоже интересно. Кстати, я думала усыновить ребёнка. Если не успею родить. И, честно, не очень-то хочу рожать. Боюсь. Да и наследственность не очень хорошая.

– А что с тобой?

– Да! Потом как-нибудь расскажу.

– Что-то ничего нет по телевизору, – Карлос листает каналы. Он тянет руку, решив в очередной раз попробовать отклеиться, но безрезультатно.

– Надеюсь, нас не затопит, – произносит София.

Они надевают рубашки, разрезав рукава и боковые швы. Потом Соня скрепляет разрезы булавками, которые удивительным образом находит в письменных принадлежностях Карлоса, и в таком виде они продолжают день, который уже медленно близится к закату. Постепенно темнеет, и дождь, было прекратившийся, опять застучал по стеклу.

Дождь стал обычным явлением для Питера, он идёт почти всегда. Ещё десять лет назад здесь иногда было солнце. Но в 2090 году, после обильных и непрекращающихся выбросов нефтепродуктов в мировой океан началось таяние ледников. Экосфера отреагировала на деятельность человека, и климат изменился. Уже, кажется, вечность прошла с тех пор, когда здесь видели солнце или просвет в облаках. В городе даже установили скульптуру, каменную копию девочки с зонтом из музея «Вселенная воды». Люди с воодушевлением восприняли идею, как будто этот зонтик мог спасти город от туч, но, к сожалению, петербуржцам по-прежнему было доступно только каменное солнце под этим зонтиком.

На данной широте и в средней полосе России безоблачных дней не было вообще уже почти десять лет. Зато солнце было там, где было всё затоплено, над океанскими просторами всегда было ясно. Но человек приспособился и к этому. В связи с перенаселением в городах наземный транспорт потерял всякую ценность, невозможно было проехать сквозь плотную людскую толпу. Тогда было создано воздушное транспортное средство – кладуз, по форме напоминающее колокол. При разработке аппарата инженеры-бионики взяли за основу реактивное движение медузы и пришли к выводу, что медузоподобная форма будет оптимальна. Кладузы перемещались по воздуху на высоте 100–200 метров в облаках, благодаря сокращению внешней стенки из клонированных мышечных волокон. Топливом служил конденсат из облаков. Аппараты были разных размеров, но чаще встречались два вида: для индивидуальной перевозки пассажиров, рассчитанные на одного человека, и для групповой, на двадцать. Внутренняя кабина состояла из твёрдого композита, защищавшего пассажиров от реактивных сокращений внешних стенок. Внешняя мышечная оболочка ярко светилась на сером фоне облаков, и ночью кладузы были особенно хорошо видны, небо пестрело яркими вспышками. Стоя у окна, Соня мечтательно засмотрелась, как перемещаются по тёмному ночному небу реактивные колокола, это было похоже на маленький салют. Что её ждёт впереди, неизвестно.

Карлос настраивает интернет, вводит «склеивание людей», отправляет запрос. Через мгновение появляется надпись: «По вашему запросу ничего не найдено». Он ещё раз набирает «склеивание», и теперь сеть выдаёт ему много вариантов, но ни один не подходит к данной ситуации.

– Попробуй набрать «мы склеились» или «мы прилипли друг к другу», – предлагает Соня.

– Ага, – и Карлос набирает. – Опа, смотри!

По запросу «мы прилипли друг к другу», сеть выдала фотографии двух молодых людей, лет по 20, на вид очень довольных и счастливых.

– Это гомосеки, видимо, – морщится Карлос.

– А может, просто друзья, – предполагает лояльная София.

– Да, не важно уже, ладно. Есть хоть надписи какие-то, подписи? – Карлос заходит на страничку соцсети, где молодые люди выложили свою фотографию. – Только под фотографией всё та же надпись: «Мы прилипли друг к другу». Может, это не буквально, а так, образно.

– А давай напишем им и спросим, – предлагает София.

– Давай, пиши.

– А ты что, не умеешь?

– Предложила, вот и пиши. Могу и я написать, – немного подумав, Карлос добавляет, улыбнувшись и посмотрев на девушку. – Давай ты. Лучше я разолью остатки виски и закажу новую бутылку.

Соня улыбается. Таким Карлос ей нравится. После его вспышки гнева, хоть и появился страх, но он даже заводит и возбуждает. Когда Карлос был груб, страх и обида её так возбудили, что у неё возникло очень сильное сексуальное желание. Наверное, корни такой реакции на мужскую грубость родом из детства. Её отец мог иногда поднять руку на мать. Она помнила

три раза, когда он, пьяный, бил мать по лицу и толкал. Тогда София была ещё маленькой, сейчас такого не происходит. Возможно, потому что отец не пьёт после тех случаев.

Она заходит в чат молодых парней и набирает текст.

«Здравствуйте! Меня зовут София, моего друга – Карлос. Мы обратили внимание на вашу фотографию, потому что мы тоже приклеились друг к другу руками и не можем отлепиться. И мы хотели бы узнать природу вашего склеивания. Как давно вы прилипли, и есть ли какие-то способы отлепиться? И вообще, вы что-то знаете об этой проблеме? Потому что мы нигде не можем найти описания похожих случаев, как будто мы единственные на планете. Будем вам очень благодарны на ответ. С уважением, София и Карлос».

– Вот прочитай, я написала, – София толкает Карлоса в бок.

– Ты поаккуратнее, – возмущается он, стирая салфеткой пролитый виски со стола.

– Да, ладно. Я ж не специально, – оправдывается Соня.

– Понятно, что не специально, просто аккуратнее надо, – резким голосом произносит Карлос и поворачивается к девушке.

Соня шарается в сторону, так как их лица оказываются очень близко друг к другу, и Карлос раздражён. Его взгляд выражает злобу, и это пугает. Она замолкает и надувает губы. Карлос, заметив реакцию испуга, сразу остывает.

Он нажимает вызов службы доставки в сети. Отвечает голос девушки.

– Что желаете?

– Бутылку виски, сыр нарезку. Ты что-то хочешь? – обращается он к Соне, которая всё ещё дуется.

– Шоколад можно.

– И шоколад.

– Это всё? – спрашивает голос.

– Да, это всё.

– Ожидайте.

– Давай почитаю, что ты там написала, – Карлос поворачивается к Соне и, чувствуя свою вину, старается заглядывать её. Он улыбается, гладит по голове девушку.

– Почему ты повышаешь на меня голос и так обращаешься, как будто я вещь и никто, пустое место? – спрашивает Соня.

– Я даже и не думал, само так происходит. Я не специально. Да ладно, покажи, что написала, – Карлос, меняя тему разговора, читает сообщение. – Нормально, отправляй.

– Хорошо, – и Соня нажимает «Отправить». – Теперь будем ждать ответ. Может, ещё поищем?

– Нет, на сегодня хватит, я уже утомился от этого занятия. И я уже пьяный. Утро вечера мудренее, как говорил мой отец. Ну, давай, наше здоровье.

Карлос торжественно поднимает рюмку, язык его уже заплетается, координация движений нарушена, и залпом выпивает её.

Соня смотрит на него, и ей становится всё страшнее и страшнее. Если поначалу этот страх её возбуждал, то сейчас она чувствует угрозу. Она держит поданную ей рюмку и думает. Сейчас она очень хочет быть одна. Удивительно, почти всегда ей не выносимо одиночество, она всегда бежит в толпу, лишь бы не быть одной, а сейчас, когда это невозможно, ей этого хочется.

– Что не пьёшь? Всё обижаешься на меня? – прерывает её размышления Карлос.

– Нет, уже не обижаюсь, – отвечает София.

Она уверенно выпивает виски. События этого дня и выпитый алкоголь накрывают усталостью, ее клонит в сон, и все мысли уже не важны.

На следующий день, проснувшись, они обнаруживают, что область склеивания увеличилась. Карлос и София в полном молчании смотрят на склеенное место, потом в глаза друг

другу. Постоянная склейка начинает раздражать и очень хочется почесать то место, где они слиплись. В силу невозможности этого постепенно приходит отчаяние. Оно накрывает с головой мягкой пеленой. Сначала слегка обволакивая, а потом поглощая полностью. Это невыносимо. И больше всего пугает ужасающая неопределённость. Что будет дальше, неизвестно. Что это за мутация, аномалия, болезнь? Как с ней бороться? Есть ли лекарства? Видимо, нет. Так как нигде нет информации: ни в средствах массовой информации, ни в социальных сетях.

– Неужели мы единственные с этой заразой? – вслух произносит София, оторвавшись от размышлений.

– Может, что-то изменилось со вчерашнего дня? Давай посмотрим, вдруг нам ответили эти парни?

Карлос открывает сеть. Заходит в чат. Много рекламы, как обычно, но ответа нет. И тут его внимание привлёк заголовок «Странная мутация или что это?». София тоже обращает внимание на кричащие буквы.

– Давай сюда!

– Да, захожу. Кажется, это то, что надо!

В статье говорится о непонятном феномене, который был зарегистрирован во Владивостоке. Аномалия выражается в склеивании двух людей. Эти двое обратились в поликлинику за помощью и просьбой расклеить их. Это мать и дочь. Дочери около тридцати лет, матери около шестидесяти. Приклеились они моментально, и сначала это был маленький участок на руке, но с каждым днём он увеличивался и за неделю достиг десяти сантиметров в длину. Врачи в поликлинике пробовали аккуратно разрезать, но оказалось, что клеящее вещество было из клеток кожи женщин, и попытка разрезать привела к ране и большой кровопотере. Собрался консилиум. Эти двое несчастных просидели весь день в больнице, так и не получив никакого ответа. Врачи пожимали плечами и говорили, что это пока неизученный феномен, и они будут его исследовать. Пригласили женщин прийти на следующий день для прохождения обследования. Но на следующий день женщины не пришли и на звонки не отвечали. Тогда через день по их адресу выехала бригада скорой помощи и обнаружила в квартире два трупа. По заключению следствия, мать сначала застрелила дочь, а потом себя. С момента смерти прошло тридцать часов. Взяли анализ крови, соскоб кожи, начали исследование. Очень жаль, что это произошло. Что именно стало причиной самоубийства и убийства, неизвестно, есть только догадки и предположения. По одной из версий причиной были склеивание и неизвестность. Они пришли в поликлинику довольно измождённые. Естественно, сильно нарушается порядок жизни и это создает огромный психологический дискомфорт. Тяжело переживается. Это одна сторона. Возможно, это мутация, и она вместе со склеиванием вызывает нарушения в мозгу у человека.

В последние пятьдесят лет аномальные явления случаются довольно часто. Очень часто дети рождаются с двумя головами или сросшимися телами. В подобных случаях с разрешения родителей не продолжать жизнь таких уродов, младенцы умерщвляются и консервируются в формалине. По ним студенты мединститута могут изучать анатомию аномальных развитий. Однако в данном случае аномалия произошла у взрослых людей. Что будет дальше, и каковы прогнозы по развитию данной аномалии, покажут результаты анализов и время. В конце статьи указаны контактные данные: телефон, сетевые адреса, ресурсы, куда можно обращаться, если похожая проблема возникла.

– Ура! Что, будем звонить или напишем?

– А почему же они покончили жизнь самоубийством? Страшно, – Софию передёргивает от прочитанного. – Ужасно.

– Не знаю, как ты, а я... мне надо выпить! – говорит Карлос, наливая себе в рюмку виски.

– Уже третий день запоя и склеивания. К родителям так и не сходила, а они и не звонят. Им это не особо-то надо. Надо только мне. Я тоже выпью, пожалуй. Вдруг это последние дни моей жизни.

– Что же это за фигня? – Карлос ставит уже пустую рюмку и разглядывает склеенное место на руке, осторожно отодвигая кожу. – Это, как клей, только не клей. Кожа, твоя и моя, как будто вживилась друг в друга, мы срослись и становимся одним целым.

– И если это место увеличивается, что будет через неделю, месяц, год? Страшно представить. В фильме ужасов подобного не встречалось.

– Почему же, были мутанты с других планет, типа уродов со слизью.

– Фу, гадость какая, – Соня выпивает виски и ставит рюмку, слегка поморщив нос.

– Давай звонить уже.

– Мне страшно как-то. Страшно начинать, – у Сони колотится сердце, и в животе снова даёт о себе знать тревога. Даже выпитый для смелости виски не помогает.

– И мне тоже страшно, но всё равно придётся, как бы ни оттягивали.

– Может, ещё виски для смелости?

– О, да ты осмелела, вошла в раж, я посмотрю. А прикидывалась овечкой сначала.

– Нет, просто страшно. Обычно я не пью.

– Все вы так говорите, – усмехается Карлос, наливая себе и Соне. – Что притворяться? Себя же не обманешь. Всё равно через время всегда открывается истинное лицо, которое прячет маска. И зачем, не понимаю.

– Тебе не понять, Карл. Это воспитание такое. Надо быть деликатным и корректным, и воспитанным.

– Да пошли вы со своей деликатностью.

– Слушай, а где твои родители? Они здесь живут?

– Да, в другом районе. Мы не общаемся с ними.

– Почему?

– По их словам, я плохо себя веду. Да мне насрать.

Карлос не хочет продолжать этот разговор и рассказывать о своей семье и о том, что у него уже нет родителей, тоже не хочет. Выпив рюмку, от отворачивается от Софии и смотрит в окно. Через минуту, продолжает, как ни в чём не бывало:

– Ну что, будем звонить?

– Да, давай.

Карлос открывает выход в сеть и произносит номер телефона. Слышны гудки и проходит десять гудков прежде, чем раздаётся голос:

– Горячая линия аномальных явлений. Слушаем.

– Эээээ, – Карлос на мгновение теряется.

– Я Вас слушаю. Говорите, пожалуйста, – произносит более настойчиво хорошо поставленный женский голос.

«Сколько раз в день ей приходится говорить одни и те же фразы?» – думает Карлос. Голос ему нравится, он очень мягкий, женственный и мелодичный.

– Ээээ. Мы с подругой склеились, – он не решается это сказать, потому что для него это всё нелепо и абсурдно. И если бы не статья о склеенных женщинах, матери и дочери, и их смерти, он не решился бы звонить и говорить кому-либо об этом. Как будто стыдно очень.

– Как давно это произошло?

– Два или три дня назад, ночью.

– Мгм... Ясно, – секунд двадцать тишина. Видимо, оператор размышляет или записывает, так как еле слышен стук костяшек. – Вы сможете приехать к нам сегодня в 15 часов?

– Да, сможем.

– Назовите Вашу фамилию, пожалуйста.

– Смит. Карлос Смит, – и добавляет, – Только мою фамилию? А подруги?

– Необязательно. Достаточно одной фамилии. Мы вас ждём.

И отключается. Повисает тишина. Карлосу не хочется никуда выходить, он бы лучше остался дома, распивая вискарь и предаваясь безмерной лени, наслаждаясь безмятежностью. А там, на улице, мрачно, идёт дождь, промозгло и холодно.

– Что там говорят?

– Ты ведь сама слышала, что переспрашиваешь?

– Вдруг я что-то не расслышала.

– Хватит тупить и притворяться дурочкой. Всё ты расслышала. А я не хочу никуда идти.

Если бы не ты, мне бы не пришлось этим заморачиваться.

– Я не туплю. А почему я? Может, это ты всему причина? Нечего валить всё на меня. У меня тоже полно планов и дел, а я всё отодвигаю из-за этой проблемы.

Карлос молчит, и София тоже. Через три часа надо быть в институте аномальных явлений. Добираться туда час, значит, через два часа надо выйти.

После двухдневного домашнего запоя уличный воздух резко бьёт в нос, и ветер обдувает со всех сторон, как собака обнюхивает новый кустик. Серое, пасмурное и, как всегда, дождливое настроение у погоды. Что-то необычное в атмосфере, еле уловимое чувство нереальности происходящего. Возможно, это говорит алкоголь в крови, а возможно, что-то происходит. Хотя, конечно же, давно всё произошло. Ко всему прочему Карлос и София не существуют отдельно, а стали почти одним целым, даже в туалет и умываться вместе ходят. Они ничего не могут сделать без присутствия другого рядом, от этого пока никак не отделаться, да и возможно ли это, неизвестно. Всё неопределённо. И, как обычно, эта неопределённость жутко пугает.

После прочитанной статьи о смерти матери и дочери, которые склеились и потом покончили с жизнью, теперь ничего не осталось определённым. Их жизнь может закончиться в любую минуту. Карлос и София пока заливают эти страхи алкоголем, но сейчас они почти трезвы, так как они идут в институт. Осознание ситуации медленно приходит к ним и накрывает страшной тенью.

Как обычно, идёт дождь, и они в куртке с капюшоном. Карлосу удалось отыскать в доме куртку большого размера, чтобы надеть сразу на двоих. Однако капюшон на две головы не налазит. И они укрываются от дождя под небольшим зонтиком Софии. Навстречу попадает много людей, также спешащих от дождя в своё укрытие, домой или по делам. Лица скрывают капюшоны и зонты. И всё кругом серое и мрачное, даже одежда людей и расцветка зонтов. Кто-то идёт парами, прячась под одним зонтом, но, как ни пытается София взглянуть и обнаружить таких же склеенных людей, это ей не удаётся. Приземляется клаудуз, и молодые люди заходят в открытую дверь, как в пасть открытого зонта-колокола. Кажется, никто не обращает на них внимания.

Одеваясь в институт, они разрезали рукава и боковые швы рубашки и платья, и Соня аккуратно пришила обрезки, чтобы не болтались. Левая рука Сони приклеена к правой руке Карлоса, так что Карлос терпит большее неудобство, – он правша. Первое время он забывает и тянется правой рукой, и тогда Сонина левая рука тоже тянется. Но постепенно они привыкают к этому неудобству, хотя ещё надеются изменить положение, разрезать, или даже ампутировать, если вопрос стоит о жизни или смерти.

Немного страшно идти в институт. Вдруг скажут, что их положение безнадежно, и ничего, кроме ужаса, их впереди не ждёт? Или обрадуют неопределённостью, как и тех женщин? Мол, учёные пока не могут найти решение проблемы, подождите. Вот с такими мыслями в полном молчании едут Карлос и София в институт аномальных явлений. От них ещё распространяется запах алкоголя, и некоторые люди брезгливо отворачивают головы и отстраняются. Карлосу глубоко насрать на это, а София стесняется.

Они прибывают к месту назначения и выходят. Здесь много людей, пар, групп и все люди направляются к главному входу института. Это были огромные двери высокого небоскрёба. Институт внушает доверие, прежде всего, своими размерами. Вокруг здания разбит

парк. Архитектура тоже удивляет своими фантастическими линиями и изгибами. Приглядевшись, София замечает неестественность в походках и позах людей.

– Карлос, они все тоже склеенные. Обрати внимание хотя бы на ту пару, – она показывает на мужчину и женщину, которые сидят на лавочке. Женщина пытается что-то достать из сумочки, и когда она использует вторую руку, рука мужчины тоже двигается за ней. – Или вон на ту пару, – Соня показывает на идущих впереди пожилых людей, тоже мужчина и женщина, они склеены ногами и поэтому идут неестественно.

Они смотрят по сторонам и обнаруживают, что все окружающие их люди прилеплены друг к другу какой-либо частью тела. И походки их настолько неестественны, смешны и ужасны, что можно подумать, будто смотришь фильм ужаса с зомби. Конечно, люди и раньше были похожи на зомби, например, когда идут на работу или едут в подземке, или стоят в кассу. С почти одинаковым выражением лица. Несчастные, угрюмые, поставленные на грань выживания.

Таковыми люди стали давно и уже привыкли к этому. Счастье? Многие уже забыли смысл этого слова. И это также пугает и ужасает. Что же произошло? Возможно, склеивание – это результат выживания людей. Многолетней копившейся усталости, недовольства и несчастности. И неужели это нельзя предотвратить? И сколько осталось жить людям? Африканцы уже почти вымерли. Вдруг сейчас очередь европейцев? А что творится на Востоке, на Западе? Комок подкатывает к горлу Софии, и дрожь пробегает по телу. Ей вдруг становится невыносимо тошно от ощущения своей ущербности и беспомощности перед событием, природой, аномалией. София замедляет шаг, и Карлос тоже приостанавливается. Он также пребывает в немом шоке от созерцания окружающих его людей, направляющихся, как и они, за возможным спасением, ещё держащихся за хвостик иллюзии.

– Мне нехорошо, – произносит София. Карлос смотрит на неё.

– Ты так сильно побледнела. Давай присядем, – и молодой человек ведёт её на ближайшую лавочку. Но они не успевают дойти, как София обмякает и опускается на землю. Карлос следует за ней, поддерживая одной рукой. Когда Соня через минуту приходит в себя, они встают и доходят до лавочки. Проходящие люди смотрят, оборачиваясь, на парочку. Кто-то сочувственно качает головой.

– Сейчас тебе лучше? Вот, сделай глоток виски, – и Карлос подносит ей фляжку, которая у него всегда с собой. Соня только нюхает и резко отодвигается, отстраняясь от фляги.

– Что это ты? Я тебе говорю, глотни, и станет лучше.

– Не хочу, – резко обрывает София и таким злым и жёстким взглядом одаривает Карлоса, что тот от неожиданности пугается и кладёт флягу в висающую на плече сумку. – Ладно, если тебе лучше, идем дальше.

Что-то в ней переменялось. Как будто она осознала весь ужас сложившегося положения, и с ней, и в обществе в целом. Оставшуюся дорогу до входа в здание они идут молча, в каком-то тупом смирении, как последний путь перед смертью или приговором, когда уже ничего не изменить и остаётся только принять.

Глава 3

И наступает бесконечный день. Люди планеты Микза просыпаются, как обычно, ничего не подозревая, приступают к своим повседневным делам. Так проходят день и вечер. Земляне около десяти лет назад колонизировали эту планету. Но мало кто решался переселяться на неё. В связи с тем, что здешнее солнце находится ближе, чем на Земле, с людьми за первые годы происходит ряд изменений, а именно: у них сжимаются лёгкие, цвет кожи приобретает сиреневатый оттенок, зрачки становятся белёсыми из-за того, что слегка мутнеют хрусталики, хотя это удивительным образом не сказывается на остроте зрения. Из-за постоянной работы в сети фаланги пальцев вытягиваются по сравнению с земными жителями. Эти трансформации наблюдали у себя первые колонисты, и теперь всех иммигрантов предупреждают о предстоящих изменениях еще при отборочном тестировании.

– Я ничего не понимаю. Уже 12 часов ночи, а светло, как днём.

– Да, точно! Я пока не обратил внимание на это. Ты права.

Оливер только что вернулся с берега, когда ему поступил звонок от его подруги Анжелины. Его хобби – скульптуры из песка: фигуры библейских персонажей, великие сражения, животные, знаменитые личности. И делает он их вдоль набережной. Туристов здесь много, они проходят мимо, любуясь его творениями. Дождей здесь нет никогда, и фигуры стоят долго, пока ветер не меняет образы. Оливер вспомнил, что сегодня было особенно много людей вечером, и никак не темнело. Он постоянно смотрит на часы, чтобы убедиться во времени, но как-то не придаёт этому значения. Что ж, светло, так светло.

Ему вообще давно плевать на всё происходящее вокруг. Он словно амёба. Главное, чтобы его не трогали физически и эмоционально, вернее, не делали больно. Он всячески старается избегать боли. Конечно, это не всегда удаётся. После смерти жены прошло пять лет, и сейчас он уже смирился с этим, пережил, но начинать новые отношения боится. Она не выдержала физических изменений. У нее была астма, и сначала здесь ей стало лучше, а потом состояние здоровья резко ухудшилось, уменьшающиеся лёгкие не смогли справиться с нагрузкой, и она умерла. Ночью. Тихо и незаметно. Просто перестала дышать. Оливер остался один. И вот в его жизни появилась Ангелина. Очень привлекательная женщина, и умная, и с ней очень интересно, но его к ней не влечёт. Возможно, он уже повзрослел, и нет смысла ожидать запала и страсти молодости. А возможно, несмотря на то, что она такая хорошая и умная, и красивая, она не в его вкусе.

Оливер высокого роста, с русыми кудрявыми волосами. Лицо его украшает бородка, за которой он тщательно следит. Он ее регулярно подстригает, и это стало ритуалом в его жизни и новой привычкой. Ему 35 лет. Это, конечно, не 20, но он по-прежнему активный и бодрый, молодой и полный сил.

Сейчас он живёт один в огромном доме, который сначала был обычной временкой в период колонизации. Оливер его перестроил и модернизировал так, что описать форму обновленного жилища крайне трудно: углов у дома шесть, и он весь неровный, все его стены имеют разную высоту и ширину. Дом стоит в горах, рядом протекает речка. До берега океана Оливер ходит пешком, это занимает сорок минут. После смерти жены он улетал на Землю, несмотря на то, что это было разрешено лишь в крайних случаях. Дом пустовал, но через три года он вернулся обратно и теперь живёт здесь, хотя поначалу было невыносимо тихо и от этого больно здесь оставаться. Его хобби занимает практически всё свободное время, он целый день находится на берегу океана. С утра он катается на сёрфе, а потом просто сидит, лепит, строит, греется на солнце и демонстрирует фигуры из песка, иногда что-то рассказывает, – и так до позднего вечера. Когда он приходит домой, сразу ложится спать.

Оливер пока ещё часто вспоминает о смерти своей жены. Не любит вспоминать об этом, но память не сотрёшь. Сначала он хотел покончить жизнь самоубийством, даже пошел на мост, чтобы прыгнуть. Он долго глядел вниз, но так и не решился. Винил себя за трусость и слабость. В нём боролись две части, и та часть, что очень хотела жить, победила. Тогда он завербовался в фармацевтическую компанию на Земле. У Оливера образование микробиолога и приличный опыт работы, его с радостью взяли, пообещав неплохую зарплату. Он занимался продажами, представляя свою кампанию. И хотя раньше он не пошёл бы в эту сферу, предпочитая исследовательскую деятельность, сейчас это оказалось самое то. Через полгода его жизнь заполнилась конференциями, тренингами, командировками, лекциями. Он всегда в работе, и даже после работы, дома, нужно готовиться к следующему дню. Эта загруженность не позволяла ему думать о прошлом и переживать утрату. Теперь лишь изредка, и с каждым днём всё реже и реже, он вспоминал о том, что когда-то у него была семья. Он стал, как робот, почти машинально выполняя должностные обязанности. Через два года такого марафона он иссяк. Он насколько вымотался, что даже похудел. Друзья перестали с ним общаться, а те, что не оставили его, общались, скорее, из жалости. Он стал невыносим, впал в критиканство, при этом мог сказать обидные и злые слова. В его поведении стали проявляться высокомерие и жёсткость. Он запретил себе быть слабым и ненавидел проявление слабости у других людей.

– Знаешь, Оливер, после последнего разговора и встречи у меня остался осадок, – как-то сказал ему его друг, связавшись по сети.

– Ну, это твои проблемы, – как обычно ответил Оливер, осознав, что это прозвучало грубо. Но он сейчас не в том состоянии, чтобы извиняться. Он очень зол на весь мир, на всех.

– Возможно, мои, но как же тогда наша дружба? После этого мне не хочется иметь с тобой дело, я не могу полагаться на тебя. Я рассчитывал на тебя, потому что ты сам неоднократно предлагал прилететь к тебе в гости. И вот, когда я настроился, спланировал, ты отказываешь. И мне, в принципе, более комфортно и удобно оставаться у себя. И прилететь к тебе я хотел ради тебя.

Оливер молчал. Что он мог сказать? У него было такое настроение, что не хотелось никого видеть рядом. Он чувствовал свою вину, но извиняться или оправдываться не считал нужным. Он смотрел на своего друга, и в какой-то момент тот стал ему противен. С экрана он ему показался немощным и слабым. Больше того, закралось подозрение, что друг хочет его использовать в своих интересах. От этих мыслей товарищ стал ему ещё более противен, и Оливер, не прощаясь, вырубил связь. Лицо его друга растворилось в гаснущем экране. Таким образом, постепенно, в течение года, друзья перестали с ним общаться. И у Оливера осталась только работа. Беспорядок и пыль, накопленная за эти годы, не беспокоили его. Он приходил домой, когда было уже темно и уходил в полутьме, поэтому не обращал внимания. Лишь изредка протирали пыль в ванной с раковины, ванны и зеркала, да на кухне. Но сам он выглядел очень аккуратно, – здесь он старался, – кроме обуви, которую он не замечал и мыл лишь изредка. В этом проявлялся небольшой диссонанс, но замечали это лишь некоторые люди. Вскоре Оливер заболел, сломался. Но он, конечно же, продолжал ходить на работу.

– Оливер, тебя вызывает директор. Зайди к нему. Срочно, – сообщила ему секретарша, как только он вошёл в кабинет.

Оливер молча кивнул головой. В последнее время он не здоровался и не прощался. «А какой смысл? – думал он, – всё равно здесь живёшь на работе с утра до вечера каждый день. Не обязательно. И кому нужна эта любезность?» Он дождался, когда закроется дверь за секретаршей, встал из-за стола, отпил горячий кофе, который принесла девушка, и направился к директору. Директорский кабинет находился на этом же этаже, через буфетный зал. Пройдя через секретаря, пропустив её улыбку, он зашел в кабинет директора.

– Оливер, здравствуй. Давно уже хочу поговорить с тобой, но не было подходящего времени, – сказал директор, всем видом выражая озабоченность: серьезный взгляд, морщины на лбу.

– Да, слушаю Вас, – без эмоций ответил Оливер.

– Ты давно работаешь в нашей компании и работаешь очень хорошо. Благодаря тебе, наши показатели улучшились и мы вышли на мировой уровень, – медленно произнёс директор, изредка поглядывая на Оливера. – И я наблюдаю за тобой. У тебя случилось горе, ты потерял семью и потом пришёл к нам работать. Полагаю, ты нашёл утешение в работе?

– Да, так и есть. Работа заменила мне семью, – на долю секунды лицо Оливера стало более мягким, изобразив боль. Но лишь на долю секунды, и потом опять приобрело замороженный, роботизированный вид, и он снова смотрел на директора стеклянным взглядом.

– Я очень ценю твою самоотверженность и самоотдачу и, возможно, другой на моём месте пользовался бы этим бесконечно. И я пользовался тобой, но больше не могу, извини. Сейчас я вижу, что это очень плохо сказывается на твоём здоровье. Ты измождён, бледен, выглядишь всё хуже и хуже. Твоё лицо не выражает никаких эмоций. Я за роботизацию, это прибыльно для меня и компании, но что-то мне говорит о сострадании к тебе и сочувствии. Ты нравишься мне как человек и специалист. Поэтому я решил отправить тебя в годовой отпуск, – директор смотрел на Оливера почти ласково. Он и говорить старался более мягким тоном, как разговаривал со своими детьми.

– Нет, спасибо, мне не нужен отпуск. Я смогу работать, – не колебавшись ни на секунду, ответил Оливер.

– Моё решение не подлежит обсуждению. Я не предлагаю тебе это, а решил самостоятельно. Извини, не посоветовался, знал твою реакцию. Через год ты сможешь вернуться, если захочешь.

– Чем же я буду заниматься целый год? – неожиданная идея годового отпуска не укладывалась в голове.

– Попробуй вернуться домой.

Вот так Оливер прилетел обратно на свою планету, где покой и безмятежность, которые в свое время привлекли его семью, сейчас напоминают ему смертную тоску и гробовую тишину. Его с трудом пропускают обратно после такого длительного пребывания на Земле, сообщая, что это в последний раз, что он рискует занести инфекцию на Микзу, и в следующий раз, если такое повторится, ему придётся проходить процедуру допуска вновь, а это как минимум три месяца физиологических и психологических проверок.

Первые дни отдыха невыносимы. Ему мерещится тень его жены. Он думает, что сходит с ума. Чтобы уйти от мыслей и воспоминаний, он старается быть постоянно занятым, либо в отключке. В основном, курит мис, это та же марихуана, только выращенная на Микзе. Но это не помогает, лишь усиливает боль. К тому же в этом воздухе, да с маленькими лёгкими, становится трудно дышать, и он прекращает это баловство. Он убирает в доме, делает всё, что накопилось за три года. Иногда ходит из угла в угол, лишь бы чем-то себя занять. Потом смотрит телевизор, но тот ему быстро надоедает. Много гуляет. Готовит еду. Просто сидит в кресле-качалке и смотрит на горы. Лепит из глины, вылепил 15 фигур фантастических животных и птиц, которыми окружает свой дом. И постепенно он смиряется с утратой. Так проходят дни, недели, месяцы. Он начинает ходить к океану, снова увлекается сёрфингом. Там же он знакомится с Ангелиной. А вскоре начинает делать фигуры из песка на побережье.

Сегодня он возвращается с работы и, как обычно, почти машинально принимает душ и кидает котлеты в печь, чтобы разогреть. Он на миг задумывается о словах Ангелины и прислушивается к тишине. В его доме очень тихо, и иногда это его пугает, но лишь иногда. В основном, он любит эту тишину после шума океанских волн и криков детей на берегу. Но сейчас эта тишина не была тишиной. После того как затихает печь, он слышит какой-то непонятный

шум, то ли в электропроводке, то ли в воздухе. Очень глухой гул. Он следует в комнату на втором этаже, шум усиливается. Он усиливается тем больше, чем тише в доме. Оливер закрывает уши руками, шум остаётся. И тут его озаряет мысль, что это шум в его голове. Сначала он удивляется, потом несколько пугается. «Вдруг это первые признаки сумасшествия? Но почему именно сейчас? Я вроде бы пережил смерть жены, было намного хуже. Странно, что за шум? И он не проходит. А может, я его никогда не замечал, и он всегда был? Может, это так и надо, и я только сейчас прислушался к тишине. Нет, вряд ли, я всегда в тишине и люблю её слушать. А вдруг это как-то связано с тем, что ночь никак не наступает сегодня? До сих пор светло». Оливер, размышляя таким образом, задёргивает шторы так, что дневной свет не проникает в комнату, и разваливается на кровати. Блаженно потягиваясь, почувствовав в теле усталость. Немного некомфортно и непривычно засыпать не в темноте и с шумом в голове. Он любит, чтобы была глубокая темень и тишина. А тут и свет, и шум непонятный. Шум лёгкий, и к нему постепенно привыкаешь, но всё равно это необычно и как-то тревожно. Он закрывает глаза и засыпает.

Она красивая. Её возраст сложно определить, где-то от 25 до 40. Такой вот разброс, диапазон времени. Когда она идёт по улице, молодые и старые, мужчины, женщины, дети обращают на неё внимание. Она излучает свет. Этим она вдохновляет людей быть счастливее. У неё и завистников нет, все только восхищаются. Ангелина переехала жить на Микзу около десяти лет назад, с самого начала колонизации, уже освоилась в местных обычаях и адаптировалась к Микзянской среде. Чувствует себя уверенно, независимо и безмятежно. Лёгкие у неё сильные. В детстве занималась музыкой, училась играть на саксофоне. И даже её пристрастие к марихуане на Земле и к мису на Микзе не повлияло на дыхательные органы. Она живёт одна в своём атланте-доме в форме вулкана, где стены трансформируются в окна. Сегодня она ложится спать и просыпается от мгновенной вспышки-видения. На диване справа от неё сидит несколько человек, ансамбль, они поют, играют на инструментах, веселятся. Ангелина жутко пугается. Когда она легла и попыталась заснуть, предварительно в хлам накурившись, её накрыл страх, что она может и не проснуться, но потом страх рассеялся, и она заснула ненадолго. И вот её будит кошмар.

– Вот это торкнуло. Вот это мис! – вслух произносит Ангелина. – Вау!

Она анализирует свой сон и убеждается, что он хороший.

– Зачем ты себя уничтожаешь? – однажды спросил её Оливер.

– Нет, вовсе нет. Так, чтобы усилить удовольствие и ощущение счастья.

– А так не хватает?

– Почему же, хватает. Просто я не вижу ничего плохого в том, чтобы иногда покурить качественную травку. Последствий нет никаких. Например, иногда хочется съесть шоколадку или торт, почему бы не побаловать себя?

– Хорошо, согласен! Микза, не Земля, здесь всё в природе несколько иного качества. Говорю, как микробиолог! – Оливер улыбается. – Для меня это похоже на сигареты. А вот никотин очень вреден для здоровья. Как чудесно, что здесь он не актуален и не выращивается, и люди не курят табак.

– Вот с этим я согласна! Это было отлично придумано, – проверять на пристрастие к никотину перед отправкой на Микзу. Табак – явный наркотик. А трава – нет, не наркотик.

Почва здесь бордового, местами красного, цвета из-за высокого содержания марганца и солей. И благодаря безоблачной погоде, а теперь и дню, здесь очень быстро растут овощи, зерновые культуры, чай, трава и т. д. И конечно, все они имеют необычный вкус и качество. Когда земляне только начинали колонизацию Микзы, здесь ничего не росло, совершенно ничего. С Земли сюда завезли семена, саженцы, и началось озеленение планеты. Сначала здесь было очень трудно дышать из-за малого количества кислорода. Но к этому люди постепенно привыкли, а земные растения, растущие быстрыми темпами, постоянно увеличивают

содержание кислорода в воздухе. За десять лет земляне озеленили самый крупный на планете материк. И ежедневно сюда прилетает с Земли около ста человек. Выбранных, проверенных, обученных. Сам президент Микзы ставит разрешение на допуск. С допуском на планету очень строго. Таким образом планировалось сформировать качественно новый генофонд homo sapiens. Каким-то удивительным образом десять лет назад совпало, что началась вербовка на Микзу и климатические изменения на Земле достигли предела, начался необратимый процесс. А ведь мало кто решался лететь на другую планету, совершенно неизученную, где много неожиданностей. Люди привыкают к зоне комфорта, даже просто к привычной среде, и необходимость пошевелиться, сделать шаг в сторону вызывает глубокое сопротивление. Они будут страдать, мучиться, но ничего не изменят в своей жизни, думая, что может быть ещё хуже. Какое глубокое заблуждение, абсурд.

– Ладно, – Оливер сам знает, что трава не вредит здоровью, но старается воздерживаться. – Я не особо люблю травку, потому что накуранный ленюсь и ничего не делаю. Это очень приятно и комфортно. Я имею в виду, лениться. Но я заставляю себя действовать, потому что от активной жизни получаю больше внутреннего удовлетворения.

Он в последний раз накурился так, что ему показалось, будто Микза под ним шевелится, потом он сообразил, что это движение в области таза, и в итоге опять ощутил, услышал шум в голове. «Всё в голове,» – убедился он. Когда-то в молодости он баловался сигаретами на Земле, но потом бросил. И очень вовремя, так как на Микзу не допускали ни курильщиков, ни табакзависимых. Да и как здесь курить? И так тяжело дышать первые годы.

Оливер и Ангелина познакомились в океане на сёрфе. Их дорожки были рядом, и они там впервые увидели друг друга. Течение относило её на глубину, и она, сама не заметила, как приблизилась к нему. Он сидел на доске и смотрел в даль океана в ожидании волны. Он оглянулся на неё. Ангелине его лицо показалось красивым и благородным. На следующий день течение опять притянуло Ангелину близко к нему. Когда она подняла глаза и снова увидела его, немного удивилась. Он опять оглянулся. Когда он, наконец, развернулся и поплыл, ловя волну, они встретились взглядами. Ангелина эту волну пропустила и ждала следующую. А на третий день они поздоровались. Он оглянулся и сказал: «Привет!» – показывая большой палец в знак одобрения.

На следующий день была гроза, шёл дождь и гремел гром, объявили штормовое предупреждение. Хотя накануне Ангелина собиралась пойти покататься на доске, видимо, всё отменится. Сверкнула молния, прогремел гром. Ветер шумел и завывал. «В такую погоду экстремально было бы выйти в океан. Дааа. Интересно, Оливер пойдёт?». Вот и закончился дождь. Можно было бы пойти покататься, но Ангелина и хотела, и нет. Она всегда заставляла себя идти, преодолевая страх, потому что после сёрфинга чувствовала себя необыкновенно. Она когда-то давно чуть не утонула в озере, с тех пор боялась воды и не особо-то любила купаться. Однако после единения с природой и борьбы с водной стихией, грозным океаном, приятное чувство удовлетворения растекалось по всему телу от макушки до кончиков пальцев, заполняя всю её. Она ощущала себя королевой, богиней и звездой, это чувство позволяло ей быть скромной и в то же время уверенной в себе. В сёрфинге не просто купаешься и плаваешь. Сначала плывёшь, преодолевая препятствия, к «точке отсчёта», где ожидаешь волну и потом, разворачиваешься в сторону берега и быстро гребёшь. И когда волна настигает, её необходимо поймать, войти с ней в баланс, подстроиться под неё. Она же капризная и просто так не прокатит. Только если поймаешь волну, она подхватит снизу и невидимой силой потянет к берегу на огромной скорости. И это невероятные ощущения, только естество природы и способность найти его!.. Баланс! Это мощно и сильно!

Ангелина любит утром покататься и потом идет в институт генетики, где работает уже три года. В последние дни всё перемешалось, где утро, где день, ночь? Постоянно светло и нет ночи, время суток можно определить разве что по часам. Но постепенно и это становится

неважным. Что такое время? Иллюзия. Институт работает круглосуточно. Работают посменно, по часам. Работы много, и она всё прибавляется в связи печальными событиями на Земле: климатическими изменениями и внезапно проявившейся патологией. Последние сто лет на Земле количество углекислого газа и сброс нефтепродуктов в океан всё время увеличивалось. Это спровоцировало климатический сбой, таяние ледников и затопление прибрежных зон. Люди, успевшие спастись, переместились с берегов в центр континентов. Учёные прогнозировали, что все острова и небольшие материки будут затоплены полностью. И более дальновидные люди перемещались на крупные континенты: Евразию, Южную и Северную Америку. А некоторые пытались пройти отбор на Микзу. Плюс к этому хаосу миграции по всей Земле в разных точках стали регистрировать случаи склеивания людей. И не были ясны причины. На Микзе пока что случаев склеивания людей не было зарегистрировано.

К началу 2090 года население Земли составило десять миллиардов человек, в основном, благодаря жителям Индии и Китая. Но когда началось Всемирное Наводнение, в течение одной лишь недели численность землян сократилась на одну треть. Большинство жителей островов и прибрежных зон не успели эвакуироваться и погибли. Клаудузы в то время были редкостью и могли спасти лишь немногих. Новая Зеландия и более мелкие острова Океании полностью оказалась под водой. Австралия, Индия, Китай оказались почти на две трети затоплены. На всех материках линия побережья продвинулась вглубь на сотни километров. Ученые не могли объяснить, но природа пощадила восточное побережье Северной Америки.

Уцелевшие ринулись искать новое место для жизни и выбирали центральные регионы, не в силах совладать с ужасом перед океаном. По приблизительным данным население Земли за год сократилось наполовину и составило пять миллиардов человек. Собрать точную информацию было некому, поскольку инфраструктура большинства стран была разрушена.

Медики высказали гипотезу, что перенаселение и высокая плотность проживания спровоцировали мутации склеивания, срастания. Казалось, что все несчастья обрушились на Землю. Безусловно, люди предпринимали попытки заботы о земных ресурсах, ведь уже 100 лет назад говорили, насколько они истощены. Придумывали искусственные заменители. Но выхлопные газы от транспорта, заводов, дыма сигарет, – всё это сказалось на экологии. А отсутствие у людей ответственности за свою жизнь снижало шансы восстановить природный баланс.

Как и всегда, существовали богатые и бедные. Бедные стремились стать богаче, богатые – сохранить свой капитал. И, как и всегда, была взаимная ненависть между этими классами. И хотя за последнее столетие много пропагандировалось и преподавалось о необходимости и полезности осознанного образа жизни, вслушивания в себя и в свой внутренний голос, ответственности за свою жизнь, любви к себе и к окружающим, заботе о раскрытии своего потенциала, понимании своих и чужих страхов, – большинство людей имели примитивные взгляды, были лживыми, поглощенными жадной наживы, меркантильными интересами, стремлением к власти. Трудно оставаться порядочным человеком, когда ты беден духовно и материально, – пустой мешок не стоит.

А всё началось с безобидной мутации фруктов и овощей, когда начали вырастать двойные бананы, киви, морковь. Был выяснен вирус, который поражает эти культуры. Всё чаще стали рождаться сросшиеся близнецы. Эти близнецы заводили семьи и рожали опять сросшихся близнецов. Если сто лет назад аномалия сиамских близнецов встречалась одна на две тысячи, то сейчас – одна на тысячу. Уже перестали вызывать удивление две головы в одном теле и другие уродства. Предполагали, что климатические изменения повлияли на развитие яйцеклетки, и она чаще делилась на пятнадцатые стуки после оплодотворения, а не сразу же, как при нормальном протекании процесса. Вот и срастались близнецы в утробе матери. Но эта проблема в корне отличается от срастания, склеивания уже взрослых людей.

Каким-то пока непонятным образом взрослые люди стали срастаться и склеиваться. Предполагалось, что мутацию вызывает комплекс причин: климатическая, генетическая, пси-

хологическая и вирус. Учёные стали проводить исследования этой аномалии и мутации. И на Земле, и на Микзе был создан научно-исследовательский институт генетики и психоэмоционального развития аномалий, рассчитанный на стационарные наблюдения. И было сделано потрясающее открытие, – люди выделяют друг на друга клеящее вещество. Но по каким причинам оно выделяется, остается загадкой. Генетики ищут причины возникших мутаций.

Ангелина только что прилетела из командировки с Земли. Лайнер доставил её прямо к дому. Это была мощная конференция по проблемам мутации человека, слёт всех врачей и учёных смежных областей. Не заходя в сам дом, она проходит через клининговую комнату, которая была чем-то вроде веранды, снимает костюм, выкладывает пару костюмов и рубашек, которые надевала на Земле, включает клоклинер, предварительно развесив одежду на плечики. И пока горячая струя воздуха обрабатывает одежду и выявляет чужеродный материал, задумывается. «Как же я правильно сделала, что иммигрировала на Микзу. Здесь хоть и есть свои сложности и тоска по родине, но здесь более безопасно и безмятежно. Но как же было тяжело сначала. А что мне было там терять? Нечего».

Под горячей струёй воздуха рукава поднимаются и вновь опускаются, уже обработанные. Так, по кругу, медленно вращаясь, клоклинер обрабатывает всю одежду, кипятит, дезинфицирует, утюжит. И все костюмы и рубашки становятся, как новые. Потом Ангелина заходит в термобокс и включает функцию генеральной очистки и дезинфекции. Сверкают лучи лазера, и тёплая сиреневая ионизированная вода льётся тонкими струйками со всех сторон, нежно касаясь тела. И в это время Ангелина через окно любуется пышным пейзажем своей планеты.

Да, Ангелина называет Микзу своей планетой, потому что уже десять лет находится здесь. Вместе с другими первопроходцами она делала первые шаги колонизации. Здесь ей знаком каждый камешек, кустик. Все культуры она тщательно изучает. Сколько работы уже проделано! «Может, это и хорошо, что теперь всегда светло. Это на Земле мы привыкли, что ночь и день. А может, здесь это в порядке вещей. Просто необычно, вот и пугает. Но жизнь – в принципе неопределённая вещь. Неизвестно, что будет дальше. На Микзе, возможно, люди будут жить дольше. Увидим». После конференции ей предстоит много работы, но все дела подождут. Сначала она как следует выпится и отдохнёт.

– Что творится на Земле? Куда катится мир? – Оливер, развалившись в кресле на веранде, задумчиво запрокинул лицо к небу.

– Не знаю, – Ангелина потягивает сок из трубочки. У неё сегодня выходной день, и вечером она зашла к другу в гости.

Они сидят рядом, почти вплотную. За последние месяцы они очень сблизились. Когда случается катастрофа или неизвестная доселе аномалия, люди становятся ближе, объединяются. Хорошо, когда это в пределах разумного, без прилипания, как на Земле.

– А вдруг и мы с тобой склеимся? Как ты думаешь, это возможно? Что тогда будем делать? – спрашивает Оливер.

– Можем и склеиться, если полетим вместе на Землю и если у нас схожие подавленные эмоции. Хотя это только предположение учёных и то, в кулуарах, – серьёзно отвечает Ангелина. Немного подумав, добавляет, – радуйся, что пока что не склеились. Здесь у нас не склеиваются, эта аномалия свойственна людям лишь на Земле. Я надеюсь на это.

Оливер смотрит на Ангелину, задержав взгляд. После её слов он ощущает бессознательный животный страх в животе. Он, безусловно, уже привык к ней и боится опять остаться один и пережить боль утраты. Девушка тоже смотрит в глаза Оливеру, она также не хочет расставаться, но и не хочет приклеиться, стать привязанной и ограниченной в свободе.

– Это точно. Но ты же летала на Землю и там могла приклеить кого-нибудь, – предполагает Оливер и улавливает собственнические чувства и беспокойство, неизвестно откуда появившиеся.

– Да, Оливер, такой риск действительно присутствует, – соглашается Ангелина, кивая. – Но что делать? Надо помочь другим людям. Мы и так здесь очень хорошо живём, – она очень серьёзна. – Я склонна предполагать, что это земной вирус и ещё ряд факторов. Мы это изучаем сейчас. Мне очень близка гипотеза, что непрожитые эмоции склеивают людей. Я надеюсь, что прожила все свои эмоции на курсе психотерапии. Перед колонизацией готовили основательно.

– О, да! Я вспоминаю это время. Каждый день учёба или тренинг, или терапия. Я жутко не высыпался в то время, и мне это всё до жути надоело. Кажется, я это делал ради жены, она настаивала на этом, – вспоминает Оливер.

И хотя на его лице светится довольная улыбка от воспоминаний о времени учёбы, неясная и смутная тревога беспокоит его. Пока он не понимает, откуда это и что. Откуда-то из глубин бессознательного.

– Давай попробуем разобраться вот в чём, – внезапно оживляется Ангелина. – У меня есть идея.

Она молчит, не сводя с Оливера взгляд, полный огня, жажды жизни и интереса. А на лице играет немного лукавая улыбка.

– Давай, говори, – подбадривает Оливер. – Ах, Геля-Гелечка, ты такая фантазёрка, и что бы я делал без тебя? Ты мой ангел-хранитель.

– Ладно, прекрати мне льстить, – подмигивает Ангелина.

Он тут же в момент поддаётся, заражается её энергией и, кажется, готов следовать за ней хоть на край света. Он уже предвкушает игру.

– Если верно мнение некоторых учёных, что склеивание – это результат подавленных эмоций, тогда мы, обнаружив у себя схожие непрожитые эмоции, должны были бы склеиться. А если у нас их нет, мы, соответственно, не склеимся. Даже если попадём на Землю, – продолжает Ангелина.

– Известно, что люди притягиваются друг к другу непрожитыми эмоциями детства, чтобы увидеть их отражение в партнёре и прожить. Если не проживают с партнёром, то расстаются и снова ищут и притягивают другого такого же партнёра. Или ситуацию, – подхватывает Оливер. – Это почти внушали нам на психотерапии, помню-помню. Хотя, если честно, я никогда не понимал этот процесс до конца.

– Да, и я это знаю. Поэтому теоретически можно предположить, что раз мы с тобой вместе, значит, у нас должны быть общие подавленные, непрожитые эмоции. Ведь зачем-то мы встретились. Ничего не бывает просто так.

– Согласен, да! Но ведь мы проходили курс психотерапии и проживали эмоции. Ты думаешь, мы не всё прожили, и что-то осталось подавленным? – озабоченно уточняет Оливер. – Нас бы тогда не пропустили сюда. Или они могли допустить ошибку в проверке перед допуском на Микзу?

– Да, может, что-то не прожили. Человек не может быть совершенным. Он же не Бог. А если у нас нет этого, значит, мы с тобой представляем собой не невротическую привязанность подавленных эмоций, а партнёрские взрослые и здоровые отношения.

– Странно, что ты в этом ещё сомневаешься. Я давно думаю, что мы партнёры. Мы не реализуем друг в друге компенсацию своей ущербности. Наши отношения искренние, открытые, доверительные. Мы способны любить, ценить и уважать себя и друг друга.

– Согласна, это так. Но, тем не менее, у меня есть небольшие сомнения. И ты прав, Оливер, чтобы полностью убедиться, нам надо вместе приехать на Землю и там пожить какое-то время. И если мы не склеимся, тогда всё отлично.

– Возможно, что в будущем мне придётся туда лететь. Скоро могут вызвать, да и я уже готов к активной и альтруистической деятельности.

– Знаешь, что интересно? Вирус культивируется только на Земле. Вернее, мы принесли его и сюда, переселяясь на планету. Здесь есть этот вирус, но в данном климате он не рождает аномалий, тогда как на Земле из-за него настоящая катастрофа.

– Как же всё запущено! – смеётся Оливер, чувствуя себя немного лучше. Внезапная вспышка тревоги оказалось мгновенной. Или это была защитная реакция?

– Мне совсем не смешно, – выражая возмущение и подняв брови, говорит Ангелина. – Я туда летала и видела, как страдают люди. Ты бы видел этих несчастных. Они уже около года живут склеенные и никак не могут придумать вакцину от этого вируса.

– Ладно, Геля, не томи, давай начнём играть в твою игру. Говори правила, – меняет тему Оливер.

– Сначала необходимо настроиться на себя. Спокойное глубокое осознание себя. Я прислушиваюсь к внутренним ощущениям. Ом мани падме хум, мани падме хум, мани падме хум... – напевает Ангелина.

Ангелина приняла позу лотоса, положив руки на колени и закрыв глаза, медленно повторяет мантру. Оливер сосредотачивается и, глядя на нее, прислушивается к тишине. Он также копирует позу и закрывает глаза.

– Это тяжело, – говорит он и виновато смотрит на Ангелину. Она легко улыбается и поддерживающе кивает головой. Это внушает доверие.

Это, действительно, тяжело. То и дело приходится возвращать себя из потока мыслей. Сначала слышен внешний шум: кто-то стучит, что-то упало, кто-то идёт, просто непонятный гул или треск. Прислушиваешься к этому гулу. То ли проводка электричества, то ли ветер, то ли в мозгу. Слушаешь этот гул, звук в голове. Он становится ясным. Ангелина вздыхает. Оливер слышит её вздох и, не открывая глаза, старается сконцентрироваться снова. Сначала ощущает боль в мышцах, жжение, колики, зуд. Останавливается на животе. Оливера отвлекают воспоминания и какой-то неосознанный страх и тревога. Опять возвращается к себе. Слышен шум ветра и далёкие звуки. Почти тишина. У Ангелины булькнуло в желудке, и у Оливера мелькает мысль, что надо пойти перекусить.

– Нирваны, экстаза и инсайта не получилось. В следующий раз, – говорит Оливер. – Я бы поел.

– Мы только начали, – обиженно мычит Ангелина. Она остаётся сидеть на диване, надув губы и сморщив лоб. – И ты обещал!

– Как-нибудь в другой раз, – отмахивается Оливер, которому не хочется заниматься психотерапией и погружением в себя. Он встаёт и идёт в столовую, чтобы приготовить бутерброды. Однако, движимый чувством вины, он оборачивается. Ангелина поворачивает голову и улыбается. – В общем, понятно, настроились. Что дальше? Ты говори, я слышу.

– Ура!!! – тут же оживляется Геля. – А теперь будем вспоминать фрагменты из детства от нуля до пятнадцати лет и рассказывать их по очереди. А другой, кто слушает, задаёт уточняющие вопросы. Можно воспользоваться пишущей доской и пометить основные моменты, как что произошло, какие мысли были, какие чувства испытывали тогда и какие сейчас.

– Идёт, – громко отвечает Оливер. – Кто первый начинает?

– Могу я начать. Мне всё равно, – через минуту молчания, Ангелина добавляет, – лучше я. Покажу пример, как надо. Итак, сейчас я подумаю немного и вспомню. Ну, например. Когда мне было примерно пять лет, я залезла в какой-то электрический прибор, он стоял у папы, и меня шарахнуло током. На тот момент я ничего не помню. Это была мгновенная вспышка, меня отбросило волной. Сейчас я думаю, что испугалась. У меня остались шрамы на двух пальцах. Тут же прибежала бабушка и намазала мне их маслом. Я всё.

Оливер в это время заходит в гостиную, неся на подносе чай и горячие бутерброды с сыром, мясом, помидорами и зеленью. Он смотрит тёплым, почти отеческим взглядом на свою подругу. Ставит поднос на стол и садится в кресло напротив Ангелины.

– Ладно, теперь моя очередь. Смысл этого упражнения понять, какие есть эмоции, не прожитые в детстве? А что ты чувствовала тогда?

– Да, да! В этой моей истории эмоции страха. Хотя сейчас не помню, но могу предположить, что я испугалась. И возник он вследствие моего любопытства.

– Ясно. Сейчас я расскажу. Я учился, кажется, во втором или третьем классе, мне было восемь-девять лет. Я был очень застенчивым мальчиком. И вот меня вызывает преподаватель математики к доске. Я был готов и знал урок. Но была проблема, – утром дома я не сходил в туалет. А в школе стеснялся какать в общем туалете.

– Да ты что? Неужели это было? – Ангелина уже догадывается, что будет дальше, и с трудом сдерживает улыбку на губах.

– Мне тогда было совсем не до смеха, – пытаюсь придать серьёзность голосу, говорит Оливер. – Дальше интересно, что произошло?

– Да, конечно, – Ангелина понимает, что нехорошо смеяться и даже улыбаться, и как может, сдерживает себя.

– Мне нужно было написать на доске решение задачи. Пока сидел, ещё было терпимо, а когда встал, так и почувствовал, что всё... И вот, я поднял руку, чтобы написать на доске, и меня прорвало. Раздался характерный звук, вот так: «Тпрррррррр». И как я не старался сжаться, обделался.

– Бедный, как ты себя чувствовал? Вот это – нереальный конфуз.

– Учительница заметила, когда было уже поздно и когда все стали ржать, и когда стало вонять. Она строго приказала детям не смеяться, взяла меня за руку и отвела в туалет. Там я, сняв брюки и трусы, сидел, закрывшись в кабинке, сгорая от стыда и страха, и плакал, пока не пришла мама с чистыми брюками и бельем. Её учительница вызвала. Когда я увидел маму, расплакался ещё больше.

– Значит, тогда ты чувствовал стыд и страх. А почему тебе было страшно?

– Не знаю, от неожиданности, может быть. Хотя я ожидал и терпел.

– Так, можно резюмировать, что у нас есть общая эмоция страха. Но страх присутствует почти у всех. Хмхм...

– Знаешь, я всё-таки не соглашусь с тобой. У меня больше эмоция стыда, а у тебя страх.

– Вообще-то, да, – Ангелина задумывается на минуту, – хочу вспомнить, когда мне было стыдно в детстве. Не могу вспомнить.

– О! А я же сначала хотел рассказать другую историю. Потом почему-то передумал. В той истории у меня чистый страх.

– Похоже на притягивание за уши. Ладно. У нас может и не быть общих эмоций. Я имею в виду, непрожитых. И потом, это одна из возможных причин склеивания. Расскажешь другую историю? – Ангелина заговорщически улыбается, протягивая руку за бутербродом. – Интересно приподнимать завесу тайны и рассказывать другому, о чём и самому-то стыдно вспоминать. И когда рассказываешь, и твой собеседник принимает без осуждения и советов твою историю, ты проживаешь эти непрожитые эмоции, и они перестают беспокоить и проявляться в жизни, – она откусывает бутерброд, запивая уже остывшим чаем.

– Я всё это уже проходил на психотерапии, и ты тоже. Так что у нас ничего общего и непрожитого.

– Согласна с тобой. Как хочешь. Я вижу, тебе не нравится эта моя идея.

– Ну да, не вижу смысла в этом между нами и здесь. Во-первых, на Микзе нет этой патологии. Во-вторых, если причина мутации – непрожитые эмоции, то мы их прожили по максимуму, и непрожитых не осталось. А в-третьих, причины склеивания пока неизвестны. Есть ещё предположение, что это аутоиммунный дефицит, когда иммунная система сама себя атакует.

– Слушай, да. Почему-то я это упустила. Но я помню об этом. Конечно, этот вопрос также поднимается, обсуждается и исследуется. А, поняла, почему я упустила это. Здесь с тобой, в

личном эксперименте, мы можем проверить только эмоции. Иммуноку проверить можно у меня в институте. Этим занимаются нейро-иммунологи в соседнем кабинете.

– Человечество создало лекарство от рака, от СПИДа. Но появились новые проблемы. Как всегда.

Ангелина смотрит на Оливера. Он выглядит серьёзным и задумчивым. Кажется, что-то его беспокоит. Это естественно в ситуации гибели Земли и землян. Тяжело жить на Микзе и не думать о землянах, очень хочется им помочь. Но как это сделать, когда люди сами не хотят себе помочь? Они только ждут спасателей, так как привыкли быть жертвами. И эта аномалия поразила девяносто процентов населения Земли. Никто не хочет ничего менять. Никто. Кому-то приятно находиться в своей зоне комфорта, а кто-то не знает, что можно жить по-другому, кто-то настолько зашорен, что кажется, каменная стена разделяет земные группы. Они живут кланами, парами и слипаются друг с другом, и потом умирают. Печальный конец.

– Ты говорил, что полетишь на Землю в командировку. Когда?

– Да, уже скоро, на следующей неделе. Я там буду только три дня. Встречусь с руководителем института, подпишу бумаги, возьму анализы, соскобы и вернусь сюда. Я уже изучил всю информацию, которую мне прислали.

– Удачи тебе. А я завтра начну исследовать привезённый с Земли материал.

Они прощаются, и Ангелина уходит домой. Живёт она недалеко, и приятная прогулка с лёгким ветерком освежает её. Она с упоением мечтает, как сейчас развалится в постели и сладко заснёт с чувством удовлетворения от проделанной работы, общения с другом и от самой себя.

Через год после первого случая склеивания стал очевиден трагичный финал зараженных людей. Постепенно клетки одного человека поглощают, сжирают клетки другого, область склеивания постоянно растёт. И один человек неминуемо врастает в другого. Уже зарегистрированы случаи врастания, когда от тела второго человека осталась лишь голова. Сейчас такого пациента наблюдают. У него уже склеились уши, и по предсказаниям учёных клетки головного мозга тоже вратут друг в друга. А что будет тогда, неизвестно. Таких пока единицы. Остальные оставшиеся в живых поддерживают себя на курсах психотерапии, где прорабатывают непрожитые эмоции. Некоторым, из тех, что склеились недавно, курс психотерапии очень помогает, и были зарегистрированы случаи, когда люди расклеились, но таких мало.

Уже на протяжении года, пока учёные ищут разгадку причин возникновения мутации, на Земле происходят глобальные изменения. Большинство людей умирает, не вынеся жуткой пытки врастания друг в друга. В результате, с 2090 года после затопления и начала мутации в 2098–2099 годах на Земле к 2100 году остаётся около одного миллиарда выживших. Из оставшихся лишь каждый десятый не подвержен воздействию вируса. Это люди, у которых прожиты эмоции, и потому их иммунитет силён против этой заразы. Но они не хотят покидать родную планету и перемещаться на Микзу. Остальные – те, кто заразился, но надеется выздороветь или как-то продлить жизнь, хоть и в сдвоенном, строенном и так далее, короче, в склеенном состоянии. Пусть уже поздно и невозможно разъединиться, эти люди всё равно выбирают жизнь.

Глава 4

На улице, как обычно, идёт дождь. Нескончаемый дождь. Где-то нескончаемый день, а в Питере – дождь. По всей этой широте идёт дождь. И неизвестно, когда он кончится. Наверное, никогда. Хотя сто лет назад климат был другим. Эта высокая влажность на протяжении последних десяти лет и отсутствие солнца убивают. В буквальном смысле слова.

Карлос и София уже год живут вместе в склеенном состоянии. Учёные ещё не нашли вакцины от этой мутации. Карлос много пьёт, он лишь изредка бывает трезвым, – когда болеет. А София, кажется, медленно сходит с ума. Пойло в неё уже не лезет, сразу тошнит. Экран надоел, да и глаза устают от электроники.

Везде, на всех каналах и на первых полосах, информация о мутации людей под кодовым названием КЛЗ11. Пока утешительных данных нет. Только длинная вереница некрологов. Люди простодохнут, как жуки, приклеенные клеем привычки. А те, что ещё живы, охвачены страхом скорой смерти. Лишь единицы отшельников, бродяг, гениев, творческих личностей, научных работников, философов и сумасшедших умудряются ни с кем не склеиваться. Они кажутся белыми воронами на фоне унылого серого склеенного общества. Умирают те, кто не чувствует себя и не осознаёт, одержим властью, славой и всяким другим дерьмом, которым напичкана жизнь общества. Социум! Как же без него? Одиночество трудно пережить, но привыкнув, от него сложно отказаться. Потому что оно, одиночество, есть синоним свободы. А свобода – это отсутствие почвы под ногами. Это неопределённость. Они стоят друг друга. Однозначно. Свобода и неопределённость!

София перечитала по несколько раз все немногочисленные книги, которые были у Карлоса. И вынашивает мысль о самоубийстве. Жизнь ей не предвещает ничего радостного и оптимистичного. Они практически не выходят из дома. Вообще-то, можно было бы ходить на работу вместе, но с Карлосом это не всегда возможно. Родителей она похоронила в этом году, и у неё из родных никого не осталось. Её мать и отец не смогли пережить отсутствие свободы, когда приклеились друг к другу. Вскоре они оба заболели чем-то простудным, и целые дни лежали в постели. Сначала поднимались в туалет, но по мере того, как им становилось хуже, они совсем перестали ходить, и София с Карлосом приезжали к ним, чтобы покормить и вынести судна. Постепенно это стало основным занятием для молодых людей. Родители продержались ещё полгода и умерли в один день. В постели. Счастливые!

Карлос и София стояли перед двумя мёртвыми телами и испытывали смесь жалости и облегчения. Соня нажала на кнопку рукомпа, и луч от её запястья спроецировал образ привлекательного мужчины, который механическим баритоном сначала произнес слова рекламы, а потом обратился к молодым людям:

- Слушаю вас. Что желаете?
- У нас смертельный случай, – бесцветным голосом сказала Соня.
- Сколько?
- Двое.

Повисла пауза. Соню бросило в дрожь.

– Послезавтра пришлём, – наконец ответил голос.

– Почему так долго? – удивился Карлос.

– Не устраивает, можете сами избавиться от трупов. Мы не успеваем, не справляемся с работой. За последний год смертность увеличилась в шестьдесят раз. Умирают семьями. У нас есть рекорд, – сразу пятнадцать человек умерло в результате склеивания. Я имею в виду целую семью склеенных между собой.

– Ужас. Это похоже на свалку трупов. Я представил, – Карлос покачал головой.

– Что, будете ждать? Или как?

- Да, похоже, у нас нет выхода.
- Почему же? Выход всегда есть.
- Нет, лучше предоставим эту работу вам.
- Хорошо. Тогда договорились.
- Мгммм. До свиданья, – промычала София.

«AWBI43V – вирус амбивалентный человек». Наконец-то!!! Соня радостно смотрит на Карлоса, увидев заголовок в эфире. Он ловит ее взгляд и затуманившимся взором устремляется на экран. Пожилой профессор в очках с толстыми стеклами и молодая женщина-интервьюер сидят в креслах друг напротив друга. У мужчины небольшая, клинышком, борода и удивительно роскошная шевелюра с редкой проседью. Ведущая склеена, теперь это не редкость. За её спиной виден мужчина, который периодически пытается повернуть голову в сторону профессора. Время от времени женщина поводит плечами, безуспешно пытаясь спрятать своего спутника. Профессор говорит густым басом, и она всем видом выражает внимание, кивая в такт его речи.

– Учёные определили природу мутации, которая поразила человечество. Климатические изменения, которые происходят в последние десять лет, в основном вызваны повышением уровня концентрации углекислого газа в атмосфере, – вещает мужчина. – Это вызвало затопление побережий на всех материках. И также это вызвало дисфункцию щитовидной железы. Как известно, щитовидная железа отвечает за иммунную систему организма и является дирижёром всех органов. В результате человек остался без достаточной защиты, и вирус, который в благополучное время не смог бы выжить в организме человека, в настоящие дни прекрасно там обустроивается.

– Это кажется абсурдом. Каким образом человек приклеивается к телу другого человека? Сросшиеся овощи, фрукты и даже сиамиские близнецы, – эта аномалия изучена давно. В этих случаях причиной является позднее начало деления яйцеклетки. Но как уже взрослые индивиды срастаются? – приклеенный к спине интервьюера мужчина, кивает головой, и женщина поспешно расправляет плечи.

– О, это новый, пока ещё не изученный, феномен. Можно провести аналогию с квантовой теорией поля, где взаимодействия описываются при помощи полей, а осуществляются посредством частиц. Слабое электромагнитное взаимодействие переносится фотонами, а сильное – глюонами. Глюоны – это клей, они как будто склеивают кварки между собой.

– Правильно ли я Вас понимаю? В случае мутации имеет место сильное электромагнитное взаимодействие между некоторыми людьми?

– Да, именно так.

– Как известно, все болезни от нервов. Может ли это быть связано с психологией и непржитыми эмоциями, как это предполагают некоторые группы ученых? – задаёт вопрос ведущая.

– Думаю, да, возможно. Насколько мне известно, глубинную природу возникновения мутации изучают и психологи. И они уже выдвигали эту гипотезу. Единственное средство для лечения – прожить свои эмоции. Но это – долгий процесс. Люди же хотят быстрее. Съесть пилюлю и выздороветь. Но волшебной таблетки не существует.

– Зато есть шанс не склеиться вообще, если прожиты эмоции.

– Нет, пока нет гарантии, что причина именно в этом. На мутацию повлиял целый ряд факторов. Конечно, если смотреть далеко в прошлое, вероятно, можно было избежать и климатических изменений, и всего остального.

– Каким образом?

– Повышение концентрации углекислого газа связано с автомобильными выхлопами и другими продуктами сгорания, выбрасываемыми в атмосферу. Если бы мы заботились о себе и о природе, если бы берегли её и охраняли, если бы любили, ценили каждый миг и прожи-

вали его по-настоящему полной жизнью, – возможно, люди не стали бы духовно истощаться и деградировать. И не отравили бы сами себе жизнь. Человек склонен себя разрушать. И это стремление достигло такого предела, что привело к катастрофе.

– Есть прогнозы на положительные изменения в жизни на Земле?

– Есть, конечно, но они очень-очень робкие. Если ситуация не изменится, через несколько лет на Земле не останется ни одного представителя гомо сапиенс. Человечество как таковое останется в прошлом.

– Может, у Вас есть какие-то рекомендации?

Профессор размышляет, чешет бороду. Тишина в студии становится напряженной. Кажется, ожидание зрителей электризует воздух в помещении.

– Надежда. Вы хотите надежду на светлое будущее? Что есть надежда? Самообман, иллюзия, пограничное состояние между страхом и уверенностью, – он опять задумывается. Потом внезапно обхватывает голову руками и пару минут молча раскачивается. Затем, глядя в пол, тихо произносит, – уже поздно, увя. Процесс разрушения запущен. Всех ждёт смерть. Рано или поздно. И повезёт тому, кто умрёт первым, и быстро, и не будет мучиться, – он поднимает глаза на камеру, и в этом взгляде сумасшедший страх.

– Спасибо, – интервьюер в явном замешательстве, она хочет быстрее свернуть беседу, так как несколько смущена таким оборотом и напугана последними словами учёного. И это видят все зрители... Чёрт бы побрал этот живой эфир и профессора! Её спутник в панике трясёт головой.

Страх витает везде. Все боятся. Кто-то сходит с ума, кто-то спивается или постоянно принимает транквилизаторы, наркомания достигла глобальных масштабов. Смерть везде и всюду. Ужас стал спутником живых.

Проснувшись утром, София обнаруживает бездыханного Карлоса рядом. Она сначала приходит в ужас, который сменяется отвращением, но потом чуть ли не подпрыгивает от внезапно охватившей её радости и ощущения свободы. И тут же теряет сознание. Неизвестно, сколько времени она была без чувств, но когда она очнулась, Карлос лежал в той же позе. София прикасается к нему и тут же одёргивает свободную руку. Он был уже холодным. «Значит, умер давно. Может, как только уснули». Их склеенные руки за год вросли друг в друга и София думает, что скорее всего её руку придется ампутировать. Она читала о таких случаях: когда умирают приклеенные, врачи могут отрезать за счёт умершего. Но это было возможно не всегда. Если область склеивания велика, может начаться некроз тканей, вызванный мёртвыми клетками. София готова даже на ампутацию своей руки. Она кажется обезумевшей, и чудом ещё жива. Хотя живой её сложно назвать. За год она превратилась в развалину: землистая кожа, впалые щеки, темные круги вокруг глаз, худоба граничит с истощенностью, иногда в теле ощущается легкий тремор. На плечи наброшено какое-то замызганное тряпье, грязные волосы слиплись и висят неопрятными пасмами. Они с Карлосом сначала старались следить за собой, мылись регулярно, стирали одежду, но как только тот уходил в запой, София не могла его ни поднять с дивана, ни уговорить что-то сделать и вынуждена была находиться рядом с ним. Она очень похудела, поскольку в доме не всегда есть еда. Её лицо приобрело серый оттенок из-за того, что они в течение года практически не выходили из дома. Другие люди, хоть и склеенные, гуляют, кто-то даже ходит на работу. Но ей приходилось сидеть дома из-за пьянства Карлоса. Иногда она желала ему смерти. И вот, наконец-то, свершилось! Она нажимает кнопку вызова сервисной службы.

– Здравствуйте. У меня смертельный случай.

– Назовите Ваш адрес.

В ожидании труповозки Соня смотрит на лежащего рядом с ней Карлоса. Ей очень хочется в туалет. Она достаёт горшок из-под кровати. Он уже изрядно наполнен и источает ужасное зловоние. Не всегда ей удаётся сходить в туалет и вылить из горшка. Карлос мог сутками не вставать с постели и пить. Иногда она могла его растолкать и уговорить сходить в туалет, иногда он сам хотел. Сделав свои дела, немного облившись, София ждёт. Осталось немного. Как она могла так прилипнуть? Она такая безвольная, слабая! Даже сейчас, рядом с освобождением, у неё нет устойчивого ощущения внутренней свободы. Она знает: есть большая вероятность, что она снова приклеится к кому-то другому. Она знает, что сейчас ей ни в коем случае нельзя расслабляться и терять контроль над своей жизнью. И необходимо что-то сделать, чтобы прожить эмоции и больше не приклеивать других и, возможно, попробовать эмигрировать на Микзу. Такие планы рисовала Соня. А вдруг и она умрёт, как её родители? Они же умерли вместе. От этой мысли у неё мурашки по телу, и она передёргивается. Где же эта труповозка? Сейчас надо быстро отрезать Карлоса, пока не начался некроз ткани. И потом похоронить его. А кто у него есть из родственников? Кажется, он говорил, не осталось никого, кроме сестры. Говорил, она живёт на Микзе, эмигрировала около десяти лет назад, когда началась колонизация планеты. Надо бы её найти и сообщить. Однажды Карлос, уже изрядно выпивший, увидел её по телевизору и, ткнув пальцем, сказал, что это его сестра, с которой они более десяти лет не общаются, с тех пор, как та улетела на Микзу. Соня тогда подумала, что он врёт или это алкогольные галлюцинации. Он сказал, что она генетик. Действительно, показывали всемирную конференцию по изучению аномалии амбивалентного человека АМВ143V. Внезапно, как вспышка, её сознание озаряет мысль, что она может найти эту женщину, и если та действительно приходится Карлосу сестрой, ей нужно всё о них рассказать, возможно, она поможет Софии эмигрировать или хотя бы расскажет, как это сделать. Она покосилась на Карлоса. Кажется, он уже начал синеть. Опять мурашки пробегают холодком по телу. Когда же за ними придут? Соне придётся ехать вместе с ним сначала в больницу на разделение, а потом уже заниматься похоронами и поисками его сестры. Раздаётся звонок, и тут же раскрывается дверь. Заходят четверо человек в защитных костюмах. Они смотрят на Софию и лежащий рядом труп, который раньше был Карлосом. Просветив всё пространство лазером и проионизировав воздух в помещении, они подходят к Соне и трупу рядом, помогают девушке встать, берут её на руки и так же аккуратно берут труп, накинув на него марлю. Несут их, кладут на перевозку, загружают в клаудуз и летят в ближайшую клинику. Всё это они делают молча, Соня тоже молчит. Она вообще думает, что это роботы, что с ними разговаривать?

После разъединения Соня лежит в палате реабилитации с перевязанной рукой. Вместе с ней в палате лежит ещё человек двадцать. Все кровати стоят почти вплотную, на расстоянии двадцати-тридцати сантиметров друг от друга. И над каждой кроватью нависает пластиковый щит, исключая прикосновения пациентов друг к другу. Остальные так же, как и девушка, только что разъединились и доставлены на часовую реабилитацию. У людей перевязаны разные части тела, в зависимости от того, какая область обрезана. Рука у Сони осталась, но выглядит гораздо тоньше здоровой. Видимо, отрезали лишнее пространство, и девушка лишилась части мышц. Это не страшно. Ощущение свободы и в то же время глубокого, тотального одиночества накрывает её с головой. Она то и дело плачет. Родители умерли, и она осталась совсем одна в этом мире. Она пытается утешить себя тем, что человек всегда один, просто рядом кто-то находится, но это помогает лишь на время. Вновь и вновь её окутывает чувство пустоты и одиночества. Вместе с этим она очень рада, что отлепилась от Карлоса, хотя ей очень жаль его. Она считает, что не вправе ликовать и усиленно подавляет чувство радости. Он не был для неё близким духовно, у них были разные интересы, цели и ценности, но что-то их связывало. Общие эмоции и переживания. И общая цель выжить, хотя и с глубокими противоречиями и стремлением к самоуничтожению. Он уничтожил себя, и она уничтожила себя, находясь рядом с ним. По прошествии времени чувства и ощущения, рождённые ими вместе, теряют свою

значимость, и та иллюзия, которую они создали вокруг их отношений, их проекции своего внутреннего мира на внешний мир исчезают, тают в душе, как испаряется конденсат с зеркала. А если провести рукой по зеркалу, можно взглянуть на себя и свои отношения, чётко и ясно увидеть реальность, самостоятельно разрушить иллюзию.

Заходит врач с медсестрой-роботом. Вид у него очень уставший и измождённый, и на фоне красавицы-робота выглядит он нелепо. Он подходит к каждой кровати с пациенткой, говорит минуту и переходит к следующей. Медсестра-робот стоит чуть позади, готовая в любую минуту отреагировать на запрос врача.

– Добрый день! – произносит доктор, подойдя к кровати Софии, и чуть шевелит губами в попытке улыбнуться.

– Здравствуйте, – так же слегка растягивает губы Соня, глядя ему в глаза.

– Как самочувствие? – машинально спрашивает врач.

– Хорошо.

– Вот назначения, рекомендуемые после разъединения, – он прикладывает аппарат к Сониной руке, в которую вшит её личный чип с информацией: паспортом, социальными данными, больничными выписками, информацией о работе и о состоянии счетов. – Кем Вам приходился Карлос Смит?

– Просто друг, случайный знакомый. Пьяными в баре познакомились год назад и приклеились.

– У него из родственников осталась только сестра, Ангелина Смит, она живёт на Микзе. Возможно, она с Вами свяжется узнать о брате. Мы ей отправили сообщение о смерти.

– Ясно. Он говорил о своей сестре, я не поверила тогда.

– Можете потихоньку собираться. И впредь будьте осторожны, берегите себя и соблюдайте назначения, – и врач на прощание улыбнулся очень доброй и тёплой улыбкой.

– Хорошо, – улыбнулась в ответ Соня. – Постараюсь быть осторожной.

Глава 5

Когда Ангелина приходит в институт на работу, её вызывает директриса и сообщает не очень приятную новость.

– Ангелина, с Земли по телетайпу пришло сообщение для Вас, – директриса серьёзно смотрит на неё.

Этот взгляд не предвещает ничего радостного, несмотря на то, что она обычно невозмутима, и на её лице сложно прочесть эмоции. У Ангелины кольнуло в животе.

– Что-то случилось?

– Да, умер Ваш двоюродный брат Карлос Смит.

Ангелина молчит. Она не знает, где и с кем Карлос живёт, чем занимается, и не интересуется этим, и это у них взаимно. Они никогда не искали встречи друг с другом. Поначалу Ангелине было очень обидно, видя, насколько у других дружны семьи и родственники, а потом она привыкла, смирилась и даже нашла огромные плюсы в своей отстранённости.

– Я услышала Вас.

– Очень жаль, что это стало известно только сейчас, ведь Вы вчера вернулись с Земли. Знали бы раньше...

– Ничего страшного, – перебивает её Ангелина. – Значит, так надо.

Ей меньше всего хочется заниматься похоронами и прощанием. Все эти ритуалы до того бесполезны и ненужны. А самое главное, противны. Ну что люди находят в том, чтобы прощаться с умершим, целовать его в лоб, плакать над его трупом, холодным и твёрдым?

– Известно ли, с кем он жил перед смертью?

– Да. Я перешлю Вам информацию.

– Спасибо, – Ангелина выжидающе смотрит на директрису, также не выражая эмоций. Она хочет поскорее вернуться к делам и осмыслить произошедшее. Хотя она думает, что это событие вряд ли повлияет на её жизнь.

Директриса тоже молчит и смотрит на неё. Эта минута молчания кажется вечностью.

– Вы сейчас приступайте к своим делам. Позже сообщите о результатах. Мне очень интересно, – улыбаясь одним уголком рта, говорит директриса.

– Да, конечно, – отзеркалив её улыбку другим уголком рта, отвечает Ангелина и выходит из кабинета.

Она направляется в свою лабораторию. «Умер Карлос Смит. Надо же, как нелепо. Хотя, что нелепо? Нечему удивляться. Там сейчас все мрут, как мухи. Собственно, что меня удивляет? Не знаю. Может, я злюсь, что оказалась единственной родственницей, и на меня навалилась ответственность?» Её накрывает какое-то оцепенение, ни мыслей, ни чувств. Она обращает свой взгляд внутрь себя, это было у неё обычным делом, когда ей приходилось решать какой-то сложный вопрос или хотелось понять свои чувства. Там тишина. Может, позже. Поживём-увидим.

Ангелина оторвалась от своих родственников ещё в пятнадцать лет. Она была отвязным подростком-гением. Отличалась от сверстников живым умом, способностью генерировать идеи, смелостью и интровертированностью. Ещё в пятнадцать лет она перепробовала все наркотики, которые существовали на Земле, – из чисто спортивного интереса и желания попробовать возможности субъективной реальности и её изменения. Родители всегда были в командировках или путешествиях, и она росла самостоятельно. Они с Карлосом и виделись-то пару раз. Их родители мало общались между собой, у них было как-то всё натянуто и неискренне. Этот невидимый барьер возник и между детьми. Ангелина сначала переживала по этому поводу, а потом забила. Судя по всему, Карлосу это тоже было глубоко безразлично, он был слишком озабочен своим несовершенством и ничтожностью, а сестра никак не влияла на его само-

оценку. Карлос, учась на физико-математическом факультете, любил играть в покер, рулетку, и каждый раз после проигрыша он отчаивался и надолго уходил в запой. А Ангелина экспериментировала с собственным сознанием, параллельно учась в институте генетики. Потом не вернувшись из командировки её мать, написала письмо, что встретила любовь и останется там. Отец горевал несколько месяцев и, будучи очень привязанным к ней и подавленным ею, слёг. Он умер от сердечного приступа, под утро, очень тихо. Ангелина осталась одна. Оставался родственник в России, брат Карлос, но они были далеки и физически, и психологически.

Сегодня Ангелина, безуспешно пытается сосредоточиться на работе, мысли постоянно возвращаются к смерти брата. Она вспоминает его всегда грустные глаза, лицо без мимики. Как правило, серьёзный, даже унылый. Ей его жаль, жаль за его глупую, безрадостную жизнь. А может, ей жаль себя, за свою жизнь? Но она не считает свою жизнь унылой и глупой. Его смерть сталкивает её с переживаниями о своей смерти. Рано или поздно и она умрёт. Кто-то будет думать о ней, вспоминать? Как она умрёт? Как будет выглядеть мёртвая? Ей уже будет всё равно, мёртвой, а вот сейчас беспокоит. Интересно, с кем он был перед смертью? Ангелина намеревается выяснить. Умер её последний родственник. Какой смысл в родственных узах? Одна кровь течёт? И что? Люди-то всё равно разные. Возможно, что-то и совпадает, но так, мелочи. Ангелина кажется себе очень циничной и жестокой, особенно по отношению к родственникам. Она никак не могла простить предательство матери, что та не вернулась, лишь прислала письмо. Что теперь с ней, и жива ли? Мать жила в Новой Зеландии, которую теперь полностью затопило. Ощущение своего тотального одиночества в мире накрывает Ангелину, как океанская волна. Она сознаёт, что человек всегда один, просто рядом кто-то находится. А перед смертью, даже если кто-то и есть рядом, какой в этом смысл? Никто не умрёт вместо умирающего. Он всегда один, лицом к лицу со смертью, это его последний бой, и человек одинок в этом сражении. Так что окутывать себя иллюзией, самообманом, что человек не одинок, и окружать себя людьми ради этой видимой данности неодинокства, бессмысленно. Люди, как звёзды. Их миллиарды во вселенной, и ни одна звезда не похожа на другую, они все-все разные и уникальные, как и каждый человек. И все одиноки. Нет слипшихся звёзд, и то, что сейчас происходит с человечеством, – ужасная аномалия, не свойственная природе вещей. А вдруг это роевой интеллектуальный самообман, что человек не одинок? Искусственно созданный им самим, прилипший к нему. Вернее, человек таким образом притягивает ситуацию с экологическими изменениями, выбросами углекислого газа, затоплением, перенаселённостью в одной точке и слипанием. Сам создаёт всё это. Убегая от одиночества и от страха смерти в одиночку.

– Геля, ты куда-то пропала. Что-то случилось? – раздаётся голос Оливера, связавшегося с ней по сети и возникшего в пространстве комнаты. Проявившийся силуэт друга немного напугал Ангелину, сидящую в кресле и погружённую в свои мысли.

– О, привет, дорогой! Да, разве, я пропала? Точно, я и сама не заметила, как пролетело несколько дней, – Ангелина приподнимает голову, устремляет взгляд на Оливера. – Да, у меня новости. Нехорошие.

– Поделишься?

– Брат умер.

– О, у тебя есть брат? Я и не знал.

– Да, двоюродный. Мы особо не общались. В Питере жил.

– Ммммм, ясно.

– Я уже выяснила, что последний год он, прилипший, жил с девушкой по имени София.

Она сейчас жива, я сегодня написала ей письмо.

– Может, встретимся, что скажешь?

– Нет, извини. Хочу побыть с этим одна и пережить. Точно, не сегодня. Возможно, завтра.

И работы много.

– Ясно. У меня тоже есть новость. Я наконец-то начинаю активную жизнь. И в этот раз по прямой моей специализации, микробиологии. Мне пришло приглашение из Калифорнийского университета в лабораторию изучения мутации человека.

– Что ж, поздравляю. Ты будешь работать удалённо?

– Да, конечно. Я уже не соглашаюсь уезжать отсюда. Надо будет съездить, взять некоторые пробы, и всё.

– Я тоже не планирую лететь на Землю. Пока материала достаточно.

– Ааааа, ты не поедешь с родственником попрощаться?

– Нет, не поеду. Оливер, всё, пока, увидимся позже. Обнимаю.

Экран гаснет, и Ангелина скрывается, тает облачком. Оливер задумывается о своих родственниках. Он уже давно не вспоминает о них, и живы ли они, неизвестно. Как же всё стало цинично в этом мире. А может, так и надо? Родители дали жизнь, и всё, больше никто никому ничего не должен. Ни родители детям, ни дети родителям. А может, это очень даже правильно? Что хорошего было в прошлом веке, когда родители нагружали своих детей смыслом своей жизни, и в детях видели исключительно своё продолжение? И только так чувствовали себя нужными и достойными. Одно время государство давало льготы за рождение. Но когда численность населения стала слишком расти, льготы отменили, и ценность семьи снизилась. Единственное, сохранялась биологическая потребность в единении. По своей природе человек не может быть один. Но к концу 21 века ориентир социума изменился. Настало время свободного духа, одиночества. Везде пропагандировалось, что один в поле воин. Однако это было воспринято человечеством и самой природой невероятно жёстко. Планета взбунтовалась и отпрыгнула катастрофой с потеплением и миграцией большого количества людей в центральные регионы континентов. Как хорошо, что Оливер успел уехать до этого катаклизма.

Оливер погружается в мысли о своих родственниках. Их потерю он оплакал и пережил. И как бы цинично это ни казалось, сейчас он радуется жизни и тому, что с ним происходит. Конечно, он заплатил высокую цену. Но такова жизнь. Только через потерю и страдание возможно стать счастливым человеком. У него катятся слёзы. Он сидит перед своими скульптурами из песка, на него светит солнце Микзы, приятно дует лёгкий ветерок, совсем рядом волны океана сменяют друг друга, оставляя пену на берегу. Слышен смех и крик детей. Оливер внутренне настраивается на новую работу, интересную, захватывающую. Долго же он находился в коконе отстранённости от внешнего мира, в идилической погружённости в себя, в творческом отпуске. И это ощущение единения своего прошлого, настоящего и будущего спирает в животе, покрывает тело мурашками. Да, он живёт, ему повезло. Жизнь течет сквозь него, и он чувствует её энергию и силу.

И эта удивительная девушка, Ангелина... Что-то в ней цепляет его, он к ней уже привык. Хотя привычка – дело опасное. Необходимо всегда помнить и знать о последствиях. Люди на Земле мрут из-за своей привычки быть вместе. Должен быть баланс во всём, и в единении тоже.

С экрана на Ангелину смотрит очень скромное и наивное лицо девушки, похожей на подростка. София простодушно улыбается во весь рот. Ей так приятно увидеть сестру Карлоса, непонятно почему. Карлос немного о ней рассказывал и то, что он сам такой неудачник, когда у него сестра – известный генетик, поразило Софию. Она втайне восхищается Ангелиной, которая нашла в себе смелость оторваться от Земли, родных мест, и эмигрировать на Микзу. Ангелина изучает девушку со спокойным интересом. Не сказать, что София ей полностью безразлична, но она чувствует своё преимущество рядом с этой несчастной, и это ощущение согревает её эго. Но Ангелина быстро избавляется от этого ощущения. Она, в силу своего развития, знает о неэффективности подобных эмоций, их мимолётности и отсутствии длительной внутренней удовлетворённости от них. Тем более, что она не эгоцентрик, а так,

слегка и осознанно. Сразу после осознания этой эмоции ощущение превосходства проходит и сменяется глубокой жалостью и состраданием.

– Здравствуйте, Ангелина!

– Привет, София! Рада видеть тебя в здравии. Как ты себя чувствуешь?

– Спасибо, сейчас уже лучше. Но всё равно непривычно пока. Сначала долго привыкала быть склеенной, а теперь привыкаю к свободе. Но всё равно боюсь склеиться с кем-то снова. Говорят, что это повторяется.

– Ясно. Вы долго жили с Карлосом?

– Около года.

– Как он умер?

– Во сне, видимо. Я проснулась и через некоторое время обнаружила, что он мёртвый. Он пил, очень много пил алкоголя. Я сначала тоже пила с ним, а потом мне надоело, и я перестала. Хотя рядом с ним не всегда получалось не пить. Сейчас вообще не употребляю алкоголь.

– Чем занимаешься?

– Восстановилась в институте, мне ещё год учиться. Хожу в группу к экстрасенсу.

– Подожди минуточку. На кого ты учишься?

– На вирусолога.

– Да, очень популярная профессия, если выживут люди. Что за экстрасенс, и что за группа? – Ангелина хмурится, на лице отражается беспокойство.

– Это, типа, психотерапевтическая группа, только у нас ведущий – экстрасенс. Я ещё только два раза сходила.

– Интересно... – Ангелина с подозрением относится к экстрасенсам и другим шарлатанам подобного рода. – А где ты нашла эту группу, и где проходят занятия?

– Нашла по объявлению в интернете, а занимаемся мы в его доме, на севере города. Кроме меня там ещё пять человек.

– Понятно, – Ангелина чувствует, что должна помочь этой девушке, но пока не понимает, почему она должна это делать. Может, чувство вины, что брату не помогла, спроецировалось на его подругу, а может, просто в душе она добрая? – Ладно, мне очень приятно познакомиться с тобой. Ты пиши. Будем на связи, хорошо?

– Да, хорошо, – Соня лучезарно улыбается счастливой улыбкой, вместе с тем, наивной и глупой.

Ангелина выключает связь и задумывается. Мысли о смерти брата не выходят у неё из головы и становятся жвачкой для мозга, которую хочется выплюнуть. Но она не может этого сделать. Она вспоминает, что ей всегда помогает обращение внутрь себя, если беспокойные мысли не уходят. Она закрывает глаза и внутренним зрением, как бы выворачивая себя наизнанку, проникает в область солнечного сплетения и останавливается там. Прислушивается к ощущениям в животе и пытается визуально представить, что там происходит. Она представляет внутри себя белый шар, этот шар начинает вращаться. Он вращается очень быстро, вызывая боль в стенках живота и спирание. Потом скорость движения шара, по мере наблюдения за ним, стихает, и он превращается в маленького человечка. И этот маленький человечек скрючивается, как зародыш. По всему видно, что ему больно. Ангелина начинает внутренний диалог со своим человечком – внутренним Я. «Ну, что, милый мой, больно? Да, конечно. Но это не будет вечно, это надо пережить. Это пройдёт. Я с тобой, не бойся. Что ты хочешь? Вкусенького? Тортик? Фрукты? А кино хочешь? На сёрфе покататься? О, мой милый, обязательно всё это у тебя будет. Я обещаю». Внутреннее Я расслабляется в животе и уже не напоминает скрюченный зародыш. Боль в животе проходит. Дыхание становится спокойным. Закончив медитацию, Ангелина идёт к Оливеру.

На часах двадцать три. На улице светло. Кто-то идёт на работу, а кто-то просто прогуливается, предаваясь сибаритству. Ангелина уже привыкла к постоянному дню, и все другие жители, видимо, тоже.

Ежедневно на Микзу прибывает сто человек с Земли. Прилетают уже навсегда, чтобы остаться здесь жить. Если раньше это были путешественники и отдыхающие, то нынешняя ситуация не оставляет выбора землянам. Однако, чтобы попасть на Микзу, проводится тщательный отбор и даже конкурс. Тем, кому посчастливилось пройти все отборочные туры и прилететь на планету жизни, на Микзе оказываются почтение и внимание. Каждого окружают заботой, любовью и поддержкой. Большинство переселенцев – одинокие люди, потерявшие или не имеющие семей и уже пережившие это горе. Как ни удивительно, здесь все чем-то очень похоже. Кажется, что все светлые люди Земли попали в рай, где всегда светло и нет ночи. Ангелина идёт, излучая свет, уверенно, безмятежно, легко. Её волосы забраны назад в пучок, некоторые локоны выбившись, развеваются на ветру. Идеальные черты лица и скромный макияж оттеняют её внутреннюю красоту. На ней белый комбинезон со шлейфом в виде накидки. Шлейф развевается на ветру, словно парус. Мысли, ещё недавно бурлящие, она усмиряет, направив энергию на осознание внутреннего Я. Теперь её цель помочь Софии и вытащить её на Микзу. Это то, что зависит от неё, и что она в силах сделать. Сейчас она хочет попросить Оливера найти возможность встретиться с Софией и передать ей информацию, когда он будет на Земле. Сама же она планирует узнать правила отправки на Микзу, ведь за десять лет, скорее всего, они изменились и уже не те, по которым улетела она сама. Сейчас мысли работают очень быстро, и Ангелина не успевает за ними. Так всегда бывает после переживания горя и потери. Она учится направлять энергию страданий в мысли, как выйти из создавшегося положения, и в действия. Ищет варианты решения той или иной проблемы и, в конце концов, находит. Или вселенная подсказывает ей дорогу, неожиданно подкидывая те или иные возможности. В данный момент она проходит мимо огромного здания аэрокосмических перелётов. Таинственное, оно окружено легкой дымкой и, кажется, пустует. Ангелина решает зайти, раз уж оказалась рядом.

– Здравствуйте! – здороваются робот-консьерж с мавританской внешностью.

– Здравствуйте, – девушка смотрит на робота и оглядывается. Во всём пространстве огромного холла ни души, и кажется, что никто не работает. – Я хочу узнать о правилах иммиграции на Микзу.

– Да, пожалуйста, – робот проводит рукой в пространстве, и перед Гелей высвечивается перечень необходимых вещей и документов для перемещения Земля-Микза. – Вы хотите взять это с собой?

– Да, пожалуй, я возьму это с собой, – утвердительно кивнув головой, отвечает девушка.

– Тогда подпишитесь здесь за получение ценного документа.

Робот показывает на пробел в пространстве. Ангелина ставит свою подпись. Он нажимает на кнопку в пространстве экрана, звучит щелчок, изображение гаснет, и робот протягивает чип с информацией. Ангелина берёт микросхему, кладёт в кармашек комбинезона, благодарит робота и выходит. Довольная собой, что один шаг в реализации её плана выполнен, она направляется к Оливеру поделиться с ним своими успехами и мыслями насчет дальнейших действий.

Выйдя из здания аэрокосмических перелётов, Ангелина вдыхает тяжёлый воздух Микзы. Она уже привыкла к этому. Вначале было действительно тяжело дышать. Но медики подтвердили, что это более полезно для лёгких и всего аппарата дыхания. Мышцы укрепляются и что-то там ещё. Также она привыкает, что здесь всегда день и нет ночи. И привыкает к неожиданностям и неопределённости, которые постоянно сопровождают её жизнь здесь. Не только её, конечно, но и других людей. Люди Микзы это осознают, а на Земле нет. Вот в чём заключается их основное отличие. На Земле живут не осознавшие себя люди, а на Микзе осознавшие, и

это является безусловным преимуществом и превосходством. Микзяне помогают землянам, насколько могут, но брать полную ответственность за жизнь других людей никто не пытается. У каждого своя жизнь, и в первую очередь каждый отвечает за свою, и это является главной ответственностью. Можно, конечно, взять ответственность за жизнь ребёнка до 18 лет. Остальные отвечают сами за себя. Даже больной человек несёт ответственность за свою болезнь сам. Кому-то сложно с этим смириться, но ради своей жизни смирились!

– Оливер, здравствуй, дорогой!

Ангелина почти влетает в его сад возле дома, издали увидев его покачивающимся в кресле-качалке. Они проводят рукой по голове друг друга, будто гладят, и соприкасаются щеками. Такой ритуал у них уже давно. Кот, сидевший на плече Оливера, тут же спрыгивает, ревниво покосившись на неожиданную соперницу.

Это животное Оливер привёз с Земли. Здесь коты экзотика, так как запрещены. Вернее, содержание животных на Микзе строго контролируется. Желающие иметь у себя дома представителя земной фауны обязаны подписать несколько документов об обязательствах. Хозяин несёт ответственность за своего домашнего питомца, как за ребёнка. Это делается для того, чтобы на улицах не было бродячих животных. Если находят беспризорника, тут же разыскивают хозяина и взимают штраф за безответственное отношение к питомцу. И никакие оправдания, что сбежал, не помогают. Раз подопечный сбегает, значит, хозяин плохо ухаживает. Если животному что-то не понравилось, опять-таки проблемы хозяина.

Оливер улыбается Ангелине.

– Привет, привет! Что нового?

– Не помню, говорила я тебе или нет, что мой брат перед смертью жил с девушкой Софией?

– Да, кажется, говорила.

– Так вот, я связалась с ней и поговорила. Такая милая девушка. Она мне понравилась. У неё умерли родители, и она совсем одна.

– Это не удивительно, все одиноки, и не только на Земле, – намекает на себя Оливер.

– Согласна, но мы это пережили, и мы сильнее.

– Это ты про кого говоришь? Я не уверен, что пережил. Мне до сих пор не хватает жены.

– Мне кажется, что ты сегодня не в духе и не расположен разговаривать. Какие-то язвительные нотки в твоём голосе. Что происходит?

– Геля, у меня сейчас, действительно, плохое настроение, и я не в духе.

– Почему, расскажешь? Поделишься?

– Институт должен был направить меня на Землю для недельного исследования. Я подготовил инструменты и реквизиты и уже должен был через два дня отправиться. Так, нет, ведь! Они нашли мои анализы плохими. Низкий гемоглобин. Бред! Я сейчас сижу и ем мясо, клюкву, бруснику, – в общем, железосодержащие продукты. В связи с этим мою командировку отложили на неделю. Я расстроен.

– Да, неприятно. Настроись и тут, на тебе, облом. Слушай, ну, значит, так надо, – немного подумав, бодро говорит Геля. – Полетишь через неделю.

– Надеюсь, да! Но я уже настроился и размышлял, что наконец-то смогу самореализоваться профессионально. Ладно, я уже смирился. Так, что ты там говорила? Мы это пережили? Смерть близких, и своё одиночество. Пусть так.

– Как будто ты мне делаешь одолжение. Если ты пока не пережил, то я убеждена, что переживёшь, так как знаешь механизм реагирования психики на утрату и её переживание. Ты неоднократно проходил этот путь: от утраты иллюзии до утраты близкого человека. Механизм одинаков.

– Знаешь, мне сейчас пришла мысль, что я беспокоюсь за тебя. Ревную и боюсь, что эта девушка завладеет твоим вниманием полностью. Это такая слабая эмоция, но я её отследил.

– Милый, не беспокойся, – улыбается Ангелина, – я сегодня добыла перечень необходимых процедур и мер, которые необходимо выполнить и предпринять для перемещения на Микзу. Эта девушка ходит на какие-то занятия к экстрасенсу, и якобы это психотерапевтическая группа.

– К экстрасенсу? – Оливер морщится. – Что за бред! Хотя сейчас думаю, все психи пользуются возможностью реализовать свои корыстные цели, используя толпы паникующих людей.

– Правильно, и я подумала об этом и забеспокоилась за девушку.

– А что она тебе? Ты так беспокоишься?

– Я уже объясняла. Она жила с моим братом. Просто хочу сделать доброе дело и позаботиться о ней. Возможно, я чувствую вину, что брату не помогала и не общалась с ним, и так хочу всё исправить, что проецирую на неё свои чувства к брату.

– Скорее всего, так и есть, – Оливер наклоняет голову в бок, а потом возвращает её и кивает. – Смотри, будь осторожна. Эти привязанности и псевдодобро могут сделать больно тебе самой.

– Какой ты чёрствый, и не веришь в добрые поступки. Кстати, ты знаешь о том, что те, кто не верит в доброту, её и не притягивают?

– Мне кажется, ты не права в своих выводах. Я верю в доброту, и я её притягиваю. Взять хотя бы тебя, притянулись ведь? – Оливер улыбается. – Я имею в виду, чтобы не помогать людям в их безответственном поведении. Ты не сделаешь своим добром ничего хорошего ни себе, ни тому, кому помогаешь.

– Я поняла тебя. Да, согласна полностью. Я пока не знаю степень ответственности Софии. То, что брат был безответственным, и я ему не помогала, это да. И ты думаешь, что я ошибочно испытываю вину относительно своей непомощи ему?

– Ну, да.

– Мммммм. Она у меня совсем маленькая, эта вина, – Ангелина задумывается на минуту, потягивая апельсиновый сок. – Хорошо, посмотрим, но раз я зацепилась за эту Софию, и раз так всё получается, я бы хотела подождать и посмотреть, как будут развиваться события.

– У тебя есть ощущение, что что-то в этом есть?

– Именно так, да. Пока ещё не знаю, что. Эта групповая терапия. Пережиток прошлого. Ещё пятьдесят лет назад её нашли неэффективной в психотерапии, оставив место лишь индивидуальной.

– И ведущий-экстрасенс – полный бред. Откуда он вообще взялся? Столетний пережиток. И для меня всегда было нелепым, как люди могут идти к шарлатанам вроде гадалок, экстрасенсов? Это ж на каком доисторическом уровне развития находится их мозг?

– О, согласна. Но все люди разные. Кто-то умным рождается, кто-то нет. Уровень интеллекта, к сожалению, у всех разный. Ладно, ты же знаешь мою страсть к экспериментам. Что-то есть в глазах у этой Софии. Посмотрим. Документы для перемещения Земля-Микза могут пригодиться, а если нет, то выброшу, и всё.

– Хорошо, дорогая. Я собирался сходить в институт. Пойдём, прогуляемся?

– С удовольствием.

Глава 6

Теперь София ходит в прозрачном биоскафандре. Он защищает человека от случайной склейки, прилипания других из внешнего мира, от вирусов, наполняет лёгкие кислородом. Кислород содержится в биоклетках скафандра, и когда человек снимает его на ночь, производится восполнение живительного газа. Биоскафандр пластичен и повторяет контуры тела. Это недавнее изобретение, но теперь все ходят в них и даже придумывают моду на эти оболочки. Они создаются из разных материалов. Есть более дорогие, есть дешёвые. Дорогой более лёгкий, гибкий и невидим посторонним, но при желании его можно затонировать, зазеркалить. Тогда человека никто не видит, зато он может наблюдать окружающий мир. Это вроде маски на все тело. В биоскафандрах ходят практически все люди, за исключением самых бедных и склеенных, ожидающих своей смерти. Те же, кто имеет маломальские средства, даже склеенные пары, ходят в биооболочках и снимают их лишь на время сна. Это отличная биоразработка, нанотехнология, которая стремительно вошла в жизнь населения и стала неотъемлемой частью гардероба. Никто из тех, кто хочет жить, не выходит из дома без неё. Биоскафандры очень скоро стали нормой жизни. Люди ко всему адаптируются. Ко всему!

Прилипание приняло угрожающие масштабы и стало очень вероятным. Достаточно было одного объятия, достаточно было просто прислониться к другому человеку во время общения! Во всех средствах массовой информации распространялись рекомендации врачей о необходимости минимизировать контакты и взаимодействие с другими людьми. К сожалению, их воззвания были напрасны. Многие люди, и таких большинство, не могут пережить тотальное одиночество, вступают в отношения и прилипают друг к другу. На сегодняшний день учёные предполагают, что причиной мутации является психогенный фактор, и проводят исследования в этой области. «Лечения не существует». По всему миру запускались одно исследование за другим, чтобы установить точную причину мутации и количество больных. Учебники в данной ситуации бесполезны, им не угнаться за реалиями. Уровень смертности зашкаливает и с каждым месяцем растёт. С таким ростом смертности через несколько лет от человечества останется лишь несколько тысяч представителей по всей Земле. И уж им-то будет грозить смерть не от склеивания, а от одиночества, поскольку между ними будут километры, десятки, сотни и даже тысячи километров. Надо что-то срочно предпринимать. Во всем мире учёные бьются над вакциной, но пока безуспешно, хотя это направление признано самым приоритетным, и все мировые светила занимаются данной проблемой. Но... Пока только домыслы, догадки и предположения, – никаких фактов.

Повсюду работают психологи и группы психологической помощи. Психологи становятся самыми востребованными профессионалами. Везде, – по телеканалам, в интернете, – идёт реклама кабинетов, групп, в которой говорится, что это единственный способ спастись. В одну из таких групп записывается Соня. Ведущий группы – привлекательный мужчина по имени Макс. Кроме неё в группе ещё пять человек, не считая ведущего: четыре женщины и один мужчина. Занятия проводятся два раза в неделю и длятся два часа.

Группу только что набрали, и все ведут себя осторожно, стесняются и стараются произвестить друг на друга впечатление. Соне кажется, что все участники группы очень странные и, вообще, психи больные. Себя она считает нормальной и здоровой. Больше всех её пугает парень, один из участников. Он физически крепкий, рыжие волосы, полный. Ходит развалку, сутулясь и шаркая ногами. Такой неприятный тип. И Соня вначале думает, что после первого же занятия уйдёт. Но она приходит на второе, а потом и на третье занятие. Дома ей скучно, учится удалённо, и чувство одиночества выталкивает в социум. Конечно, к этому примешивается страх снова кого-то приклеить. Когда она вспоминает год, прожитый с Карлосом, у неё мурашки бегут по коже. Это был тихий ужас. Она чудом осталась жива, хотя уже мечтала о

смерти. Теперь она надеется, что после пережитого группа психологической помощи поможет ей адаптироваться во внешнем мире и снова начать нормальную жизнь, по крайней мере, это обещает реклама вокруг.

Рыжий теперь иногда улыбается, да и девушки стали более открытыми. Сначала они делятся своими переживаниями, и кто почему попал в группу, оказался в этом месте в этот час. Все, и Соня, рассказывают о себе, а ведущий Макс кивает головой и иногда вставляет пару слов, уточняющие и направляющие вопросы. Ну, как положено. Сидят они на расстоянии одного метра друг от друга полукругом, и можно не снимать биоскафандр. Соня пока что сидит в скафандре. Мало ли, что у кого на уме. Уже были случаи, она читала в интернете. Один парень добивался девушки, а та отказывала ему. Он впал в отчаяние, подкараулил, когда девушка сняла скафандр, и неожиданно обнял её, тут же приклеившись. Но его радость продолжалась недолго, потому что её родители отвезли их в больницу и отрезали друг от друга. Парню вlepили штраф, а девушка впредь стала более осторожной и больше не проявляла такую беспечность, не снимала биоскафандр в общественных местах.

Иногда Соня скучает на занятиях группы, глаза её так и закрываются, до того всё монотонно. Группа – это микрокосм семьи, как и рабочий коллектив, и в этом пространстве человек проявляет себя, как в своей семье, проецирует на других участников группы те же ожидания и роли. Макс на вид около тридцати, синие грустные глаза, очень светлые, практически белые, волосы, полные губы, стройное тело и высокий рост, около 190 сантиметров. Соня ловит себя на мысли, что именно он является причиной того, что она осталась в группе. Он ей нравится, и это притягивает и пугает. Она столько раз обжигалась, что уже боится думать о любви, да и время сейчас не то. Однако ради эстетического удовольствия и надежды, – вдруг эти занятия помогут ей быть независимой, – она продолжает посещать группу.

Макс смотрит на присутствующих. Эта группа у него первая. Раньше он работал помощником экстрасенса и сейчас, пользуясь положением в стране, решил попробовать самостоятельную практику. Всех участников группы он пригласил сам, когда они, воспользовавшись рекламой экстрасенса, позвонили в их кол-центр. Макс перехватил несколько звонков, переписал номера и перезвонил. Естественно, это было запрещено, и он действовал втихаря. А как ещё выбиться из помощников? Ему уже тридцать один год, а он до сих пор не богат, не знаменит. Да, он мечтает о славе, о богатстве. Но всё это не приходит к нему. Честностью нравов он не отличается, и, несмотря на свою внешнюю привлекательность и ум, очень обижен на весь мир и людей. Он очень ловко умеет натягивать маску добродушия, поскольку когда-то давно изучил «Психологию лжи» и «Язык тела». Но всё это не помогает в достижении его целей. У него нет друзей, подружки вскоре от него сбегают, или он их сам выгоняет, когда надоедают. Отец умер, а мать уже около пяти лет не встает с постели. Он меняет ей памперсы, готовит еду, кормит. Она живёт в другой половине дома, и Макс заходит туда один раз в день, чтобы выполнить обычные процедуры по уходу за лежачим больным. В комнате матери стоит жуткий запах. Какие бы ионизаторы воздуха и освежители Макс ни использовал, не помогает. Кажется, что больной организм в ответ на освежители выделяет ещё больший смрад. Врачи диагностировали у неё аутоиммунную патологию, еще неизвестную медицине и не имеющую лечения. После того как пять лет назад приехал врач, взял анализы и соскобы, а через две недели ожидания сообщил, что лечения не существует, больше Макс к врачам не обращался. С тех пор он их ненавидит, и даже свои проблемы со здоровьем предпочитает решать сам. То есть никак. Благо, что он молод и пока может обходиться без лекарств.

Между жилой частью дома, где обитает Макс, и половиной матери он оборудовал звукоизоляцию, чтобы не было слышно ее криков. Сначала она орала постоянно, истошно, просто так. Макс прибегал по первому зову, но со временем стал игнорировать ее призывы и отстранился. Мать перестала кричать, а потом и разговаривать. Лишь пустым взглядом она следила

за действиями сына, когда он заходил к ней. Теперь бывают дни, когда он не заходит. Она голодает, мочится и оправляется под себя. И ему в следующий раз приходится менять бельё, мыть её. Брезгливость он уже давно поборол, но свалившиеся на него заботы давят. Иногда ему снятся сны, в которых мать умерла, и он, наконец-то, свободен. После такого сна его накрывает жуткий страх, что он вообще об этом думает, ведь когда это случится в жизни, он останется совсем один в этом мире.

И вот сейчас перед ним сидят шестеро и смотрят на него, как на спасителя. Шесть несчастных жертв. «Они ждут волшебную пилюлю, глупцы. Все ждут спасения. Никто не хочет умирать. Все надеются на лучшую жизнь». У Макса есть своя идея, как сделать жизнь лучше. Уж он-то точно знает. Сколько он выстрадал со своей прикованной к постели матерью! Никакой личной жизни, никакой надежды на нормальную жизнь в социуме. А теперь стало бессмысленно делать карьеру, заводить семью. Всё равно все умрут.

– Здравствуйте. Рад приветствовать вас всех сегодня в нашей группе. Кто начнёт? – говорит Макс, приветливо улыбаясь и оглядывая всех добродушным взглядом.

Все сидят молча. У них всегда так начинается, – первые минуты все молчат и оглядывают друг друга. Первым ёрзает толстый китаец с рыжими волосами. Он чешет затылок и смотрит исподлобья на Макса. Видимо, чувствуя своё преимущество, что среди женщин он единственный мужчина, не считая ведущего, он решается заговорить. Его лоб покрывается испариной, и выступившие капли пота вот-вот потекут по лицу. Рыжий выглядит очень напряжённым. Его явно что-то беспокоит, и он готовится произнести речь. Это даётся ему с большим трудом. Наконец, вздохнув, он говорит:

– Я сегодня проснулся в страхе, хотя я так просыпаюсь всегда. Мне чего-то не хватает, тревога и дышать трудно. Как обычно, вышел на кухню, где сидела мама и курила. Мы в последний год стали очень далеки друг от друга. Раньше она меня хотя бы обнимала, а сейчас не подпускает к себе, да и я боюсь как-то. Вдруг прилипнем. Всё это очень тяжело. Мы, как чужие, хотя живём вместе.

– Тебе уже сколько лет? Здоровенный детина, а всё по мамочке страдаешь, – фыркает прямолинейная Динара.

Её раздражают почти все, и она на всё имеет свою точку зрения. С виду кажется очень независимой и самостоятельной женщиной. Но это не так. Это всего лишь защитная оболочка её пугливой, неуверенной внутренней сущности.

– А сами-то Вы беспокоитесь о своих детках и от сыночка не отходите, всё живёте с ним, а обеих дочерей выпроводили кого куда, – обиженно защищается рыжий.

Все дети Динары, кроме старшей дочери, пьющие, да и она сама любит приложиться. У старшей дочери двое детей и второй муж. А средний сын разведён. Он и младшая толстая дочь, спутавшаяся с уголовником, пьют регулярно. У самой Динары третий муж, тоже бывший уголовник, и все любят крепко выпить. Динара – маленькая, юркая, суетливая, беспокойная мать троих детей с жидкими крашеными в белый цвет волосами. На глазах фрики, убойная улыбка. Отсутствие одного верхнего зуба придает ей несколько комичный вид, но эта улыбка такая счастливая, что создает впечатление о Динаре, как о человеке недалекого ума, но очень добром и искреннем. Сложно предположить, что эта женщина вся пропитана злостью, желчью, завистью и обидами. Причём это обида на весь мир в целом, и она уходит корнями в прошлое, усугубляясь с каждым годом. Она пришла в группу с надеждой найти пропавшего сына, или хотя бы выяснить, что с ним, – всё-таки занятия ведет экстрасенс. Её ненаглядный сынок! Он уже месяц не даёт о себе знать. Пусть он уже взрослый, всё равно она беспокоится. Сейчас такое непростое и страшное время. Она склонна думать, что это злодейка судьба, и что её кто-то сглазил. Она очень суеверна. Этот укол рыжего задевает её, и она, вспыхнув, уже готова ответить, но по праву ведущего вмешивается Макс:

– Мы уже обговаривали наши правила. Мы никого не обвиняем и не осуждаем, – Макс смотрит на Динару, потом обводит взглядом остальных. – Что Вы чувствуете сейчас, Диана?

– Не Диана, а Динара, – вскинув голову так, что очки подсакаивают на лоб, гордо произносит она. – Ну, не знаю я. У него есть мама рядом, а он ещё осуждает её. А у меня пропал сынок, и я не знаю где он.

– О, извините, Динара. Я оговорился, – любезно улыбается Макс. – Действительно, тяжело переживать потерю близких людей и особенно детей. Но сейчас такое время. И всё же скажите, что Вы чувствуете?

– Но почему со мной всё это произошло? Именно со мной? Чувствую обиду, горечь, мне очень больно и... – Динара на мгновение затихает, опустив голову, – жутко страшно. Мне очень страшно.

– Кажется, сейчас все испытывают что-то подобное. Всем страшно, и мне тоже страшно. Каждый день на Земле умирает немыслимое количество человек, и неизвестно, когда смерть настигнет каждого из нас, – говорит Соня. – У меня за последний год умерли родители и друг, прилипший ко мне. Нас отделяли друг от друга оперативно, вернее, уже его мёртвое тело. Это было ужасно. И сейчас я совсем одна в этом мире.

– Тебе проще, ты одна! А у меня дети и внуки.

– Динара, мне кажется, ты не слышишь и не понимаешь боль других людей. Ты только в своей боли и в своих переживаниях о судьбе-злодейке, – вступает в диалог Лиз.

Лиз – молодая женщина с короткими разноцветными волосами, обычное лицо с огромными глазами, которые она выделяет жирной перламутровой подводкой, стройная фигура и красивая грудь, просвечивающая из-под полупрозрачной кофты. Она очень яркая, разноцветная и переливающаяся. Пока малопонятно, что Лиз вообще тут делает, и почему одна. Но пока она ни с кем не сближается и мало разговаривает. У неё громкий гортанный голос и отточенные стремительные движения, немного резковатые для красивой девушки.

– А меня кто-нибудь слышит, понимает? – вспыхивает Динара.

– Какой-то балаган. Всё, мне надоело, – приготовившись встать, говорит Мария, молчавшая с самого начала занятия. – Мне до сих пор непонятно, что я здесь делаю. Попала по ошибке. Точно.

Несмотря на свой вес, она достаточно резво встаёт и смотрит на Макса. Она ждёт, что он её остановит, и он останавливает.

– Это не лучший выход. Когда хочется уйти, лучше остаться и посмотреть, что будет происходить дальше, – говорит он.

– Да, давайте все возьмём и уйдём и оставим проблему нерешённой, – иронизирует Динара. Она старше всех, и это дает ей повод относиться ко всем несколько свысока.

– У меня нет проблем, – говорит Мария, медленно садясь обратно. Какая-то мысль заставляет ее остаться.

В комнате повисает минутная тишина. Все смотрят на Марию, Она привлекла к себе внимание.

– Тогда как ты здесь оказалась? Что-то же двигало тобой? – спрашивает Лиз, и в её голосе слышится заинтересованность.

– Да, что-то двигало, вот и оказалась, – почувствовав интерес к себе, отвечает Мария.

В ней редко кто-либо проявляет искреннюю заинтересованность, и в таких случаях она всегда смущается и теряется в ответах. Мария очень полная, даже толстая. Ей около тридцати лет, круглое лицо с ямочками на щеках, грустные глаза, кажущиеся пустыми и безжизненными, и чёрные, как сажа, длинные волосы. Она носит чёлку, закрывающую брови, а в ушах огромные чёрные кольца. Мария всегда ярко накрашена и всячески демонстрирует своё тело, несмотря на лишний вес. Кажется, что она не стесняется его и не боится прилипнуть или приклеить кого-то. Всем своим видом она пытается заявить о своём присутствии в этом мире, что она

есть, и чтобы на неё обратили внимание. Мария всегда ходит без биооболочки. Сейчас на ней надета мини-юбка, открывающая ляжки, на которых, как холодец, сотрясается жир, и прозрачная перламутровая футболка, настолько тесная, что врезается в тело, и перламутр футболки мягко мерцает и переливается на жирных рельефах. Это настоящий протест общим правилам и декларируемым предосторожностям.

Рыжий тем временем надувает губы и со скучающим видом слушает, о чем говорят женщины. Его ноздри раздуваются в такт его глубоким вдохам. Время от времени в беседе возникают паузы, и тогда становится слышно его шумное дыхание.

Есть ещё одна участница, которая предпочитает молчать на занятиях. Когда все представлялись, она назвала себя Сандрой. Она всегда в биооболочке, несмотря на то, что это третья встреча группы. Остальные уже сняли свои скафандры, начав доверять друг другу и ведущему. Биоскафандр с девяноста девятью процентной точностью повторяет контуры тела, лица, но скрывает мелкие изъяны вроде прыщиков, веснушек и мелких морщин, а также сквозь него плохо видна мимика. Основное правило в группе, – биооболочка должна быть прозрачная. Это оговаривалось еще до начала занятий. Зеркальные и тонированные запрещались, – это уличный вариант.

С виду Сандре около двадцати лет. У неё средние пропорции тела, милое личико, даже какое-то кукольное, зелёные глаза, испуганные, грустные, и зелёные кудрявые длинные волосы под цвет глаз, огромной шапкой торчащие вокруг её головы. Она ничего не рассказывает о себе, только назвала имя и сообщила, что иммигрировала из Австралии во время наводнения. Никто её не торопит, её принимают, как есть. Мало ли, что у неё и в ней.

– Без себя для себя всё потеряно, – вдруг произносит Сандра отрешённым тихим голосом.

Все смотрят на неё. Она молчит.

– Ты это к чему сказала? – удивлённо и как бы за всех спрашивает Мария.

– Мне показалось, что все здесь присутствующие и я потеряли себя, – немного помолчав, Сандра добавляет, – и все люди на Земле.

– Можешь пояснить? Нам непонятно, почему тебе так кажется, – спрашивает Макс.

– Нет, не могу.

Пауза и тишина. Все слушают эту тишину, размышляя над фразой. Видно, что пока ещё люди зажаты и недостаточно открыты. Доверию нужно время. Слоган открывшейся группы: «Я не дам прилипнуть ко мне!» И смысл занятий в том, чтобы научиться строить отношения без прилипания и растворения друг в друге. Проблема подобных отношений не нова. Пусть не в буквальном смысле, но издавна люди, вступая в отношения, склонны растворяться друг в друге, забывая о себе и теряя себя. Они настолько увлекаются и погружаются в потребности другого человека, что считают самоотречение основным смыслом своей жизни. А жизнь дана каждому одна, и только сам человек может прожить её, и основной смысл – прожить её долго, правильно и с удовольствием. Люди могут идти по жизни параллельно, рядом, но не вместе, не так близко. Секс дает иллюзию слияния воедино, но по сути, это лишь удовольствие от близости. К сожалению, большинство людей не способны соблюдать баланс единения и свободы. Макс понимает это. У него есть гипотеза, что клеящее вещество – результат нарушения этого баланса. Пусть учёные исследуют и гадают о причинах этой аномалии, он-то знает точно, чувствует всем своим нутром. Может, потому что он одинок и относительно свободен, если не считать большой матери, и подсознательно завидует людям, у которых есть отношения, семьи. У него же нет семьи и крепких дружеских связей. Шесть человек, сидящих перед ним, – это всё, что у него есть на данный момент. Это маленькая часть великого мира, который с каждым днём сдувается, как воздушный шарик. Макс хочет, даже мечтает открыть человечеству настоящую причину катастрофы. Уже год он вынашивает корыстную, эгоистичную, тщеславную цель прославиться благодаря своему открытию. Эта группа – его подопытные. Пусть даже

это произойдет путём уничтожения, какая уж разница. Всё перемешивается. Из всех участников ему более или менее нравятся София и Сандра. Остальные настолько убогие и ничтожные! Он еле сдерживается, чтобы отвращение не отразилось на лице. Хотя Макс думает, никто бы этого не заметил. На его лице ни один мускул, ни одна эмоция не выходят за грань натянутой маски. Он настолько привык сдерживать и прятать свои эмоции, что это, безусловно, отражается на внешности. Квадратные скулы, тонкий нос, глубокие глаза и низко посаженные брови, впалые щёки и белые-белые волосы. В дополнение – покровительственный взгляд и добродушная улыбка. Это выглядит мужественно, мощно, уверенно, красиво.

Так проходит два часа. В разговорах, спорах и препирательствах.

– Сегодняшняя наша встреча подходит к концу, – произносит Макс. – Давайте поделимся друг с другом, кто с чем уходит, что было полезно в сегодняшней встрече каждому из нас.

– Мне ничего не было полезно, – оскалившись во весь щербатый рот, выпаливает Динара и поправляет очки. – Скорее всего, я больше не приду. Я считаю, что это пустая трата времени. И вообще, я здорова. Уже здорова. Бывшего мужа отрезали, когда он наконец-то сдох, пьянь подзаборная, и я теперь могу снова познакомиться с другим мужчиной.

– Ты же его прилепишь снова, – съязвил рыжий.

– Ну и что? Пусть прилеплю, он же не будет пьяницей.

– Откуда ты знаешь, каким он будет? – слегка улыбнувшись одними уголками рта, спросил Макс. – Обычно в жизни человека всё повторяется лишь с небольшими отличиями, как по спирали или по кругу.

– Да и ладно, – Динара, изобразив невозмутимость, шмыгает носом, разворачивается и на стоптанных вбок каблуках ковыляет к выходу.

Она вызывает чувство жалости, и не столько к её убогому внешнему виду, сколько к её зашоренности и непониманию обыденных вещей. И таких людей, погруженных в иллюзию, самообман, большинство. Проще находиться в «розовых очках» и придумывать самому себе оправдания своих поступков, мыслей и чувств. Причём для себя это всегда звучит очень и очень убедительно. Не как оправдание, а как устойчивые жизненные убеждения, которые впитались с молоком матери, скопированы со своих семейных сценариев. И эти убеждения настолько глубоко сидят в человеке, что не осознаются, не подвергаются сомнению, воспринимаются как истина в последней инстанции. И получается, человек проживает всю свою жизнь, если можно назвать её «своей», погруженный в мягкую нирвану удобных иллюзий. Но ведь это может быть и не мягкая нирвана, а жестокие страдания! С другой стороны, в мире так много людей с потребностью чувствовать себя жертвой. Возможно, эти аномальные явления и произошли от того, что на Земле стало слишком много жертв? Макс сидит с опущенной головой и размышляет после того, как все расходятся. «А про Сандру ничего неизвестно. Видно, что она напугана, но умеет сдерживать свои эмоции. Ну, ничего, когда-нибудь прорвётся и она. А Мария, какая же она жирная!.. Нельзя так думать и осуждать других... Убожество, ненавижу их всех! Один другого краше. А этот рыжий – полный дебилоид, китайский андроид. Один этот его прищур убивает. И ведь тоже рожа жирная. И как они умудряются жиреть? А всё жалуются на жизнь. А София и Лиз, так себе, девочки на побегушках, наполнение серой массы. Ничего выдающегося в этой группе нет. Тем лучше для меня. Главное, чтобы всё получилось и не много людей разбежалось. Хотя всегда часть уходит. Я и это рассчитал. Главное, чтобы осталось не меньше трёх человек. О, предвкушение праздника жизни! Ощущение себя богом, властелином душ! Ещё немного, и они будут беспрекословно выполнять все мои поручения и желания».

– ААААА, – глухо раздаётся из другой половины дома и отвлекает Макса от размышлений. Это кричит его мать.

– Что тебе опять надо? – раздражённо произносит Макс в пустоту и нехотя направляется в её комнату.

В нос резко бьёт запах мочи, лекарств и разложения. Когда он заходит в комнату матери, она направляет свой взгляд на него. Она по-своему любит его, а может, просто он хочет, чтобы это было так, и окружает себя иллюзией. Сейчас она зависит от него, он может делать с ней всё, что хочет. Сначала ему доставляло удовольствие ей мстить за то, что она ругала его, критиковала, иногда била, обзывала, за то, что она передала по наследству своё несчастье и страдания, за то, что редко дарила свою любовь, и за то, что заболела и слегла. И он мстил тем, что мог днями не заходить к ней. Она орала, он затыкал берушами уши или уезжал на несколько дней. Но он не оставлял её больше, чем на два дня. Что-то тянуло его к ней. Ему очень жаль её, он её любит, но вместе с любовью его наполняет обида за то, что мать привязала его к себе, и он не может жить своей жизнью. Он обвинял её в этом, в то время как сам был крепко привязан к ней. Конечно, это лишь его оправдание своей ничтожности и никчемности. Он сваливает на неё вину за то, что не может самостоятельно сделать в своей жизни что-то выдающееся. Иногда он это осознаёт и пытается придумать выход. Но это происходит очень-очень редко, и лишь когда он уезжает от неё. А пока она находится рядом, он ничего не испытывает, кроме обиды, жалости и злости на неё.

Сейчас в его голове зреет план. Склеить всех участников, которые останутся в группе, и посмотреть, понаблюдать за ними. Он не институт, где проводят такие эксперименты, но его туда не взяли, когда он попытался устроиться на работу. А ведь он не хуже этих задротов-учёных, и сможет сам всё сделать! И будет первооткрывателем. Главное, не затянуть, не позволить, чтобы кто-то другой его опередил.

Ему нравится этот молящий взгляд матери. Всё равно о чём: еде, питье или туалете. Он чувствует себя всемогущим, и наполняется уверенностью в свою силу и власть. Он может накормить её или оставить голодной. И она, а не он, теперь от него зависит. И это проецируется на внешнюю жизнь, мир и, соответственно, на группу. Как же интересно жизнь распорядается. Сначала дети зависят от родителей, а потом родители от детей. И если, по мнению ребёнка, родитель плохо относился к нему, то и ребёнок может так же относиться. Да, сложно быть родителем, угадывать настроение ребёнка, подстраиваться под него, чтобы тот чувствовал хорошее отношение и любовь. А если нет, то велика вероятность, что ребёнок, когда вырастет, будет мстить, хотя бы безразличием.

Макс не скрывает своё отвращение к матери. Зловоние невыносимо, но постепенно привычка берёт своё. Хорошо или плохо, но от этого запаха не умирают. Он даёт ей миску с супом, оставшимся со вчерашнего дня, и ложку. Помогает матери сесть на кровати, приподняв её повыше. Она всё время безмолвно смотрит на него. И в этом взгляде Макс видит осуждение и вместе с тем зависимость. Сейчас она не может издеваться над ним и не может смириться с этим. Паралич сковал все её мышцы, и говорить она больше не может, только мычит и орёт. Сколько она ещё проживёт, неизвестно. Иногда Максудётся отключиться и не думать о ней, но это получается очень редко. Сейчас он торжествует, – так она наказана за своё отношение к нему, – и тут же чувствует вину за свои мысли.

Макс выходит из комнаты матери и словно в тумане направляется в ванную. Он с детства любит уединяться здесь, несмотря на то, что сейчас весь дом в его распоряжении. Здесь ему особенно уютно и комфортно. Зеркало отражает его лицо и настроение. Он достаёт лезвие из шкафчика, бросает горящий взгляд на себя и быстро проводит по запястью. На пол капает кровь, он подносит руку к раковине и смотрит, как кровь стекает струйкой. Волна эйфории и страха пронизывает его тело, зависает в области солнечного сплетения и поднимается к горлу. Ощущение оторванности от мира и жизни наполняет его. Ему совсем немного, а эти действия настолько глубоко вошли в его жизнь, что стали ритуалом, привычкой. Его движения чётко рассчитаны, и сила, с которой он давит на лезвие, проводя по запястью, может меняться от его желания и настроения. Как-то раз, лет пять назад, он переусердствовал, и порез получился очень глубоким, кровь никак не останавливалась, текла и текла. Макс был уже без сил и почти

без сознания, когда его обнаружила мать, которая тогда только заболела и ещё ходила. Пришлось вызывать врачей, которые, увидев множество других порезов и шрамов на запястье, увезли Макса в больницу, где его продержали на таблетках целый месяц. Психиатр задавал множество вопросов, на которые Макс нехотя отвечал. Именно тогда Макс захотел стать психиатром или кем-то в этом роде. Сейчас он с нарастающим возбуждением смотрит на капающую кровь, и в его голове зреет решение действовать. «Уже достаточно сеансов прошло, можно уже начинать склеивать их всех. Кап-кап-кап. Идёт дождь. Нет, нет, никак не восстановить клетки. Капает кровь. Кап-кап-кап». А за окном идёт дождь, мерно, глухо отбивая по крыше, звуком разбавляя тишину ванной комнаты. И капает кровь. Порой хочется спрятаться от этого монотонного звука и послушать истинную тишину.

Глава 7

В институте прохладно, просторно и фантастично. Людей здесь всегда немного, практически все в своих кабинетах и помещениях, занимаются своими делами. Иногда, когда Ангелина идёт по полутемному коридору, ей кажется, что все вымерли, нет никого, и она одна в целом мире, от чего становится немного жутковато. Но стоит ей открыть дверь в какой-нибудь кабинет, как свет, тепло и встречные улыбки рассеивают её мрачные мысли. В фойе они с Оливером заходят в цилиндрический термобокс для лазерной дезинфекции и смены одежды и выходят из диаметрально расположенных дверей, облачённые в одинаковые облегающие комбинезоны с капюшоном. Оливер в который раз восхищается правильностью форм тела и лица Ангелины. А девушка – статью, стройностью своего друга, исходящей от него мужественностью и силой. Впрочем, здесь большинство людей как на подбор. Как будто их выбирают по внешним признакам, а не по интеллекту и здоровью. Видимо, внешнее отражение внутреннего мира является в большей степени нормой, нежели исключением. Внутренняя красота излучает мощнейший свет и затмевает внешние недостатки. Ангелина и Оливер быстрым шагом следуют к винтовой лестнице, поднимаются на второй этаж, смотрят друг на друга, кивают головами и, не останавливаясь, расходятся в разные стороны. Оливер идёт в отделение микробиологии, а Ангелина к генетикам.

– Вы только посмотрите, как ведут себя эти медузы! – с восторгом в глазах восклицает заведующий кафедры микробиологии. – Вот две склеенные! А здесь таких целая группа!

– И вы знаете, я предполагаю, что выделяемое ими клеящее вещество и процессы склеивания одинаковы с человеческими на Земле, – Оливер берёт пинцет и аккуратно цепляет пару склеенных медуз. – Вот, посмотрите, они намертво прихвачены друг к другу. Я это заметил уже давным-давно, работая на берегу, когда лепил фигуры из песка. Тогда я думал, что это такая же аномалия, что и в случае сросшихся плодов растений. Но ошибся.

Медузы на Микзе совершенно необычной формы и цвета. Одна в склеенной паре размером с футбольный мяч, светло-сиреневого цвета с красным гребешком по краю, прозрачная и двуполовая. Прилепленная к ней была розового цвета с малахитовым гребешком. В месте склейки получилась почти радуга. Они очень красивые. Впервые Оливер залюбовался ними около пяти лет назад.

– Но их главное отличие в том, что овощные культуры соединяются в период созревания, а тут даже не внутриутробное срастание, они уже зрелые склеиваются.

– В том-то и дело, что это срастание не внутриутробное и не в период созревания. Хотя в этом есть один знаменатель.

– Какую аналогию с человеком мы можем провести? – заведующий трёт свою бороду. Он, хоть и молод, но носит бородку, стараясь придать себе более солидный вид.

– То, что человек в состоянии созревания, пока не начал формироваться скелет, склеивается с другим человеком, – полушутя сказал Оливер. – Если выразиться фигурально.

– Я вижу в Вашей шутке долю истины. Это очень похоже, очень похоже на нашу мутацию на Земле. И скорее, это вопрос психологии, если я правильно понял фигуральный смысл. Пока у человека не сформирован эмоциональный скелет, – его сущность, – он приклеивает другого несформировавшегося человека. Нет скелета – нет границ. С другой стороны, нет скелета – нет защиты. Это о тех, кто приклеивается.

– Да, но в таком случае непонятно, какое это имеет отношение к биологии и к нашим медузам. Я пока не улавливаю связи, но мне кажется, если не в причинах, то в процессах есть что-то близкое, – Оливер кладёт медуз в аквариум с вулканическим чёрным песком, бассейном с океанической водой и искусственным освещением, – условия, максимально приближенные к естественным.

– Прорабатывайте это. Я уверен, что вскоре вопросы отпадут сами собой и наступит ясность, – уверенно говорит заведующий.

У Оливера складывается впечатление, что руководитель всё знает наперёд. Уверенность заведующего убеждает учёного в правильности своих действий и мыслей, и он продолжает наблюдения и опыты. На Земле у медуз есть особи мужского и женского пола. Здесь же одна медуза производит и яйцеклетки, и сперматозоиды, что позволяет ей самооплодотворяться и выкидывать полипы на созревание. Они так же, как и земные, почти полностью состоят из воды, ротовое отверстие так же служит для поглощения пищи и вывода продуктов жизнедеятельности. Однако у местных медуз всего восемь глаз, в отличие от двадцати четырёх у земных. И эти медузы возникли и эволюционировали именно на Микзе, а не были завезены с Земли, как большая часть биологического мира. Здесь, на Микзе, вулканическая природа и биосфера почти не развита, но вот медузы процветают, им уже более миллиарда лет. Это самые древние обитатели планеты.

Оливеру приятно находиться в лаборатории, она кажется просторной, хотя на самом деле небольших размеров и здесь работает несколько человек.

– Оливер, насколько мне известно, Вы давно уже на Микзе, практически с момента её колонизации. Как Вы решились на такой опасный и рискованный шаг?

Оливер оборачивается, немного удивлённо и слегка улыбаясь, смотрит на заведующего. В руках он по-прежнему держит пинцет, которым брал медуз.

– Если признаться, то я в принципе склонен к риску, мне нравится испытывать страх, – быстро ориентируется он. – А дальше? Так сложились пазлы. Вообще-то, это была идея моей жены. Сейчас её уже нет в живых.

– Сочувствую... Кажется, Вы были к ней очень привязаны?

– Да. Мне и сейчас её очень не хватает, хотя прошло уже пять лет, как её не стало...

– Мхм... А Вы склонны к риску, говорите? – заинтересованно произносит заведующий, чтобы сменить тему и кивает головой. Его глаза блестят живым огоньком. – Я изучал Ваше резюме. В нём много дыр и прорех. Вы немного работали, а потом провал.

– Ну да, это связано с тем, что, во-первых, я не люблю постоянство и мне нужны перемены, а во-вторых, я не мог понять, чем же хочу заниматься, что мне доставляет удовольствие.

– А сейчас поняли?

– Кажется, да, – улыбается Оливер. – По крайней мере, теперь я знаю, как удовлетворить все части моей личности.

– Это главное!

Оливер не знает, что ещё сказать, и молча смотрит на заведующего, ожидая, что скажет он. Они ещё недостаточно долго знакомы, и Оливер не хочет пускаться в пространные дискуссии. Однако заведующий тоже молчит. Так они стоят минуту, потом заведующий разворачивается и принимается изучать медуз, а Оливер оглядывает лабораторию. Он здесь уже не в первый раз, но рассмотреть всё досконально не представлялось возможности. А сегодня у него появились и возможность, и желание. Здесь нет ничего лишнего, всё спрятано в стенные шкафы и на стеллаже, который возвышается у двери. Металлический серый цвет комнаты кажется унылым и, вместе с тем, уносит в космос. Все рабочие столы размещены вдоль стен, а посередине стоит большой стол для экспериментов. Окно расположено сверху, оно занимает всю верхнюю треть наружной стены, так что можно видеть небо Микзы, всегда красивое и разное. Оливер заметил, как заведующий бросил взгляд на небо. Сейчас там отчётливо виден Млечный Путь, пересекающий окно. Желеобразная дымка, напоминающая по цвету мозг человека или мозговую жидкость. Совершенно невероятная при свете дня, в окружении звёзд, розово-серая артерия, пересекающая небесное пространство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.